

Александр Алексиев

ОСОБЕННОСТИ ДИССЕНТА В ЛАТВИИ, ЛИТВЕ И ЭСТОНИИ

І. ВВЕДЕНИЕ

Вызов, брошенный польским рабочим движением коммунистическому режиму, был беспрецедентным, несмотря на то, что это движение привело в конечном счете к введению в Польше в декабре 1981 г. военного положения и к обострению борьбы между независимыми профсоюзами „Солидарность” и властями — борьбы, не затихающей в стране ни на минуту. Польские события послужили хорошим уроком для всех, кто занимается анализом коммунистической системы. Эти события наглядно продемонстрировали, что хотя коммунистический режим существует в Польше почти сорок лет, он не приобрел и малой толики статуса законного политического режима. Эти события показали также, насколько социальная система, созданная этим режимом, внутренне нестабильна и насколько в Польше жизнеспособны национальное сознание и религия. Более того, деятельность независимых профсоюзов „Солидарность” свидетельствует о том, что при определенных условиях организованный вызов существующей власти может исходить снизу, от самих масс. Таковую возможность до самого последнего времени многие эксперты в области государств с коммунистическими правительствами считали нереалистической. Сейчас общепризнано,

что страны Восточной Европы охватил глубокий кризис, и они переживают глубокие внутренние изменения и сдвиги. Однако, возможность расшатывания политического режима в Советском Союзе силами внутреннего сопротивления обычно отрицается, несмотря на наличие в некоторых советских республиках условий, аналогичных существующим в восточноевропейских странах. В этой работе исследуется природа постоянного недовольства в Прибалтике, где за последнее десятилетие резко участились выступления национального характера и „диссидентства”, а также, потенциальные возможности внутренней дестабилизации и возникновения волнений.

В первой части дается краткая историческая справка о прибалтийских народах и перечень мер советского правительства по отношению к ним после второй мировой войны. Во второй части рассматривается нынешняя советская политика в Прибалтике и ее влияние на национальные и диссидентские настроения и выступления. В третьей части анализируется диссидентство в Прибалтике в сравнении с диссидентством русских и исследуются мотивы участников религиозного и политических их движений в этой области СССР, их методы и цели. Также определяется степень влияния польских событий на ситуацию в Прибалтике, в частности, избрания Папой Римским польского кардинала Войтылы и проводимой им политики на эволюцию религиозного инакомыслия. Наконец, рассматривается реакция советского режима на выступления в Прибалтике, особенно после смерти Брежнева и смены руководства.

Латыши, литовцы и эстонцы отличаются от всех остальных народов СССР в некоторых ключевых культурных и исторических аспектах, что делает этот регион уникальным. Эту уникальность необходимо принимать во внимание, если мы хотим понять состояние общества в современной Прибалтике и тенденции его развития.

Балтийские народы исторически развивались в культурном, духовном и экономическом планах внутри западного мира. В результате у них сложились традиции, отличные от традиций их русских соседей и других восточных славянских народов.¹ Западное культурное и экономическое влияние переда-

валось через германских и шведских завоевателей, а в Литве — через поляков. Германский Тевтонский орден установил свое господство в этих районах в начале XIII века и постепенно, по мере утверждения Реформации, эстонцы и латыши были обращены в лютеранскую веру. Хотя рыцари Тевтонского ордена правили на этих землях как иностранные завоеватели, они открыли их для западной торговли, что привело к значительным прогрессивным изменениям. Рига, например, вошла в состав Ганзейского союза в 1282 г. и быстро достигла экономического и культурного процветания. После упадка Тевтонского ордена земли латышей и эстонцев оказались на какое-то время под контролем Швеции, которая установила там относительно либеральное управление. К XVII веку в результате обширной реформы в области образования, распространенной на все сельские районы, латышские и эстонские крестьяне получили возможность учиться в Тартусском университете, основанном в 1632 г., и — совершенно неслыханная по тем временам практика — крестьянам было предоставлено право подавать в суд на своих господ.

Среди балтийских государств наиболее колоритна история Литвы.

Литва восприняла католицизм от Польши. В середине XIII века Литва обрела государственность, а вместе с тем значительную силу и престиж и в качестве самостоятельной политической единицы, и как часть Польско-Литовского королевства. В 1410 г., в битве при Танненберге (знаменитая Грюнвальдская битва) польско-литовская армия под командованием литовского великого князя Витовта, который и сейчас остается героем и символом нации, наголову разбила рыцарей Тевтонского ордена и таким образом приостановила дальнейшую германскую экспансию на Восток.

Литовское княжество, простиравшееся более чем на 800 тыс. кв. км., оказалось также непреодолимым барьером для проникновения далее на Запад монголов Золотой орды, которые управляли Россией в XIV—XV веках.

Однако, к началу XIX столетия растущая Российская империя присоединила все три балтийские нации к своим владе-

ниям. Это ознаменовало начало одного из самых трудных периодов в их истории. Во второй половине XIX века на балтийские народы обрушились сильные притеснения и русификация. Очень часто русский преподавался в школах как единственный законный язык. И жестоким преследованиям подвергались те, кто исповедовал неправославную веру, в особенности, католики. В Литве с 1864 г. по 1905 г. все издания не на кириллице были объявлены вне закона.

Эти грубые приемы денационализации и русификации прибалтийских народов вызывали сильное сопротивление и укрепляли стремление к самоопределению и политической независимости. Горькие политические воспоминания породили традицию русофобии, впоследствии укоренившуюся.

Прибалтийские народы добились самоопределения после окончания первой мировой войны и падения русской монархии. В 1918 г. все три балтийских нации объявили себя независимыми государствами. Попытки большевистского режима установить там с помощью Красной армии коммунистическое правление натолкнулись на успешное сопротивление организованного в срочном порядке народного ополчения.

Включение Прибалтийских стран в состав Советского Союза

Независимости, которая была завоевана прибалтийскими народами колоссальными усилиями, суждено было продлиться недолго — двадцать два года. Этот период был исторически очень коротким по сравнению с периодами подавления культуры и политических притеснений, осуществлявшихся веками, но политические системы балтийских государств оказались в высшей степени жизнеспособными и либеральными. В экономическом отношении все три этих государства тоже развивались успешно. Жизненный уровень здесь в годы независимости был гораздо выше чем в Советском Союзе. Все три балтийских государства ненамного отставали от скандинавских стран.²

Однако судьба балтийских государств была предрешена секретным пактом Молотова—Риббентропа — тайным догово-

ром между СССР и гитлеровской Германией, заключенным в августе 1939 г., по которому вся Прибалтика включалась в советскую сферу влияния. В течение последующих месяцев Советский Союз сначала вынудил согласие правительств балтийских государств на содержание крупных военных баз на их территории, а в июне 1940 г. незаконно их оккупировал в нарушение договоров о дружбе и ненападении, предоставлявших этим государствам гарантии невмешательства Советского Союза в их внутренние дела.³ Спустя два месяца балтийские государства были включены в состав СССР со статусом союзных республик.

Немедленно после аннексии советские руководители взяли курс на беспощадную советизацию и перекройку традиционных форм социальной жизни прибалтов. Насколько важное значение придавалось решению этих задач можно судить по тому, что проводниками советизации в Прибалтике назначались самые близкие соратники Сталина, в том числе Жданов — в Эстонии, Вышинский — в Латвии. Встречая всеобщую вражду местного населения, советская власть использовала террор, беспощадные чистки и депортации, чтобы уничтожить реальную или воображаемую оппозицию. Для предотвращения организованного сопротивления и устранения потенциальных оппозиционеров московские руководители выбрали политику нейтрализации и уничтожения балтийской интеллигенции, прежде всего — ведущих общественных и политических деятелей. За одну только ночь с 13 на 14 июня 1941 г., по крайней мере, 48 тыс. членов прибалтийской элиты, включая женщин и детей,⁴ были депортированы в Сибирь. Большинство депортированных — в эту ночь и впоследствии — погибли, лишь менее 20% постепенно вернулись в родные края после смерти Сталина. По подсчетам специалистов, общее число жертв за первый год советской оккупации Прибалтики достигло 129 тыс. человек (60 тыс. эстонцев, 35 тыс. латышей и 34 тыс. литовцев).⁵

22 июня 1941 г. на территорию Советского Союза вступили немецкие войска. Красная армия вынуждена была поспешно отступить, но органы НКВД расстреляли почти всех политических заключенных в Прибалтике. Около 5 тыс. прибалтов постигла эта участь.⁶ При приближении немецких войск

к Прибалтике, всеобщая и повсеместная ненависть населения к советским оккупантам проявилась в спонтанных массовых восстаниях во всех трех республиках. Самое успешное произошло в Литве 23 июня, когда около 100 тыс. восставших литовцев, потеряв при этом 5 тыс. человек, выгнали Красную армию со своей территории до прибытия войск Вермахта.⁷ Массовые восстания произошли также в Латвии и Эстонии. 60 тыс. латышей и 50 тыс. эстонцев выступили против советского режима с оружием в руках.⁸

При таких последствиях лишь одного года советской оккупации Прибалтики неудивительно, что немецкие войска встретили дружеский прием. Многие видели в Германии освобождение от советской тирании. Однако надежды прибалтов вновь обрести суверенитет под эгидой немцев вскоре рухнули. У нацистов никогда и не было намерения предоставить балтийским народам право на самоопределение. Напротив, они планировали аннексию Прибалтики, превращение ее в провинцию Рейха и систематическую германизацию местного населения. Немецкая политика в Прибалтике в годы оккупации включала жестокие политические преследования, расовую нетерпимость, грабеж. Поэтому подавляющее большинство населения заняло очень отчужденную позицию по отношению к немцам. Тем не менее с приближением Советской армии все больше и больше прибалтов склонялись к мысли, что немцы — меньшее из двух зол. При таком понимании национальных интересов многие воевали на стороне немцев.⁹ С отступлением немецкой армии из Прибалтики более 200 тыс. коренных прибалтов покинули родные места и направились в Германию, в Швецию и в Финляндию.

Вторичная оккупация балтийских земель советской армией сопровождалась еще более разнузданной советизацией, по жестокости намного превосходившей первую. Согласно статистическим данным, в 1945—1946 гг. были депортированы 20 тыс. эстонцев и 105 тыс. латышей.¹⁰ Больше всех пострадала Литва. Сразу же после восстановления советского контроля осенью 1944 г. 60 тыс. литовцев были депортированы в Сибирь, а в течение двух последующих лет — еще 145 тыс.¹¹

Последняя волна депортации прокатилась по всем трем республикам весной 1949 г. в связи с насильственной коллективизацией. На сей раз ее жертвами были так называемые кулаки: 60 тыс. литовцев, 70 тыс. латышей и 80 тыс. эстонцев были депортированы с конфискацией собственности и имущества.¹² Таким образом, общая численность депортированных прибалтов приближается к 600 тыс. человек. При численности населения этих республик в 6 млн. человек масштабы истребления близки к геноциду.

Исключительная жестокость советской политики в послевоенной Прибалтике частично объясняется тем, что прибалты отнюдь не безропотно подчинились советизации. Героическое, пусть даже безнадежное, вооруженное сопротивление советским угнетателям было организовано во всех трех республиках сразу же после вступления Советской армии на их территорию осенью 1944 г. В 1945 г. на территории Латвии и Эстонии с советской властью боролись партизанские отряды, насчитывавшие около 30 тыс. человек.¹³ Несмотря на очень трудные условия из-за отсутствия должного вооружения и лесов, где можно было бы укрыться, действия партизан были в высшей степени эффективны до конца 40-х годов. В течение нескольких лет они полностью контролировали сельскую местность и таким образом надолго отсрочили коллективизацию. Особенно сильное партизанское сопротивление советской власти было в Литве, где оно приобрело характер широкой партизанской войны. По понятным причинам, ее реальные масштабы трудно установить. Но даже в скудных на такого рода информацию советских источниках отмечается, что борьба была длительной и яростной. Вплоть до начала 50-х годов в рядах литовских партизан постоянно пребывало около 30 тыс. человек.¹⁴ Согласно некоторым источникам, советские официальные лица признали, что потери с советской стороны составляли около 20 тыс. человек, при гораздо большем числе погибших партизан.¹⁵

О серьезности ситуации в Литве свидетельствует создание при ЦК КПСС специального бюро по делам Литвы, которое занималось литовским сопротивлением. Во главе этого бюро был поставлен Михаил Суслов, который фактически стал правителем Литвы. На борьбу с литовскими партизанами были броше-

ны две отборные дивизии НКВД (ОСНАЗ), особого назначения, пограничные войска, сосредоточенные на литовской границе, равные по численности еще одной дивизии, и семь отдельных полков.¹⁶

Вооруженное сопротивление балтийских народов советскому режиму было окончательно подавлено репрессиями в начале 50-х годов. Память об этой отчаянной и тщетной попытке защиты национальной независимости и о жестоком ее подавлении, а также о пережитом в предшествовавшие годы русской и первой советской оккупаций, несомненно, жива в сердцах литовцев, латышей и эстонцев. Эта горькая память и ныне существенно влияет на отношения прибалтов к Советскому Союзу и к советскому режиму.

II. ПРИЧИНЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ И ДИССИДЕНТСТВА В ПРИБАЛТИКЕ

После окончательного подавления открытого сопротивления советскому режиму в Прибалтике политика укрепления советской власти и подавления национального движения продолжалась и даже была усилена. Важнейшими мерами советского руководства было ускорение индустриализации и коллективизации сельского хозяйства — коллективизация была завершена к началу 50-х годов. Одновременно в сознание прибалтов неуклонно внедрялась система советских политических принципов и социально-экономических норм.

Но все эти меры не позволяли добиться, чтобы коренное прибалтийское население хотя бы в какой-то степени приняло советский режим в качестве законного и выразило ему хоть какую-то поддержку.

К концу 60-х годов эта политика зашла в тупик и в сочетании с другими тенденциями и факторами привела к оживлению диссидентства и национального движения, продолжающихся и усиливающихся по сей день.

Механизмы советского политического контроля

После окончания второй мировой войны и до наших дней главнейшая политическая цель советского режима в Прибалтике может быть определена как обеспечение безоговорочного подчинения населения партийной верхушке Москвы и предотвращения любых отклонений национального характера. Для осуществления этой цели Москва полагалась на тщательно разработанную систему проверки и контроля, а также организовала инфильтрацию местных партийных организаций русскими или русифицированными местными элементами. Прибалты до сих пор находятся в партийных рядах в меньшинстве по сравнению с русскими и представителями других национальностей.

Доля русских в прибалтийских партийных организациях значительно больше чем их доля в КПСС в целом. Так, например, в 1973 г. русские составляли всего 29,8% населения Латвии, но их доля в компартии этой республики была 54%. В Литве русское население составляет 8,6%, а русских в литовской компартии — 27%. В Эстонии русских среди населения 24,7%, в партии — 41%.¹⁷

Эффективным средством обеспечения надежности партийных органов было назначение на ответственные посты русифицированных прибалтов. Большинство этих выдвинутых, особенно эстонцев и латышей, родились в Прибалтике, но большую часть жизни провели в России или были воспитаны и получили образование вне своей национальной среды. Как правило, эти люди полностью русифицированы, очень поверхностно знают, или вообще не знают, национальные языки и культуру своего народа и абсолютно преданы советской власти. Именно из таких людей был сформирован костяк партийных и государственных органов в Прибалтике сразу после ее захвата Советским Союзом.¹⁸ И сейчас они продолжают играть очень важную роль в обществе. Так, в Латвии первый секретарь Коммунистической партии Аугуст Восс,* председатель Совета министров и четверо из пяти его заместителей — обрусевшие латыши и русские латвийского происхождения.¹⁹ В Президиуме ЦК Коммунистической партии Латвии — только двое из одиннадцати членов — коренные латыши.²⁰ Все партийные дела в Латвии ведутся на рус-

* Работа была напечатана по-английски в 1983 г. и приведенные в ней данные соответствуют действительности того года. — Ред.

ском языке.²¹ То же самое происходит в Эстонии, хотя в несколько меньшей степени.²²

Исключение из этого правила представляет Литва. Среди литовской партийной верхушки лишь несколько обрусевших литовцев.

Другой традиционный метод обеспечения контроля Москвы над республиканскими партийными организациями — прямое назначение русских на должности „сторожевых псов”, т. е. вторых секретарей республиканских партий. Вторые секретари обладают огромной властью в партийном аппарате, поскольку они возглавляют ключевые отделы кадров и таким образом влияют не только на внутрипартийные назначения, но через систему номенклатуры — на все назначения на ответственные в республиканском масштабе посты.²³

Вторые секретари являются „сторожевыми псами” ЦК КПСС в буквальном смысле слова, так как именно они и представляют Секретариат ЦК КПСС в республике, что создает дополнительные возможности для укрепления их влияния. Кадровую политику в каждой республике проводит второй секретарь, но решения о продвижении вверх партийных работников, начиная с уровня районного секретаря, принимаются в Москве. Таким образом, лишив республиканских партийных функционеров права контроля над раздачей общественных должностей и привилегий, Москва надеется воспрепятствовать возникновению власти на национальной основе, преданной национальному руководству.

Таким образом разработанная структура контроля над прибалтийской партийной верхушкой со стороны Москвы свидетельствует, что московские руководители и ныне сомневаются в том, что местные партийные кадры будут действовать как им приказано, игнорируя национальные интересы.²⁴ Эта система чрезмерного контроля стала постоянным источником раздражения прибалтийской партийной элиты, у которой все-таки сохранилось национальное сознание.

Но с другой стороны, этот контроль подтверждает повсеместно распространенное в Прибалтике мнение, что местная власть — это, главным образом, орудие Москвы.

Структура и характерные черты других государственных

органов не оставляют никакого сомнения в том, что они также контролируются Москвой. Всомогущее КГБ представлено на всех уровнях управления и во всех слоях общества действует независимо от местного руководства, докладывая прямо в Москву.

Система контроля в самом КГБ аналогична системе партийного контроля. Во всех прибалтийских республиках органы КГБ возглавляет прибалт, но заместитель — русский, и именно заместитель поддерживает контакты с Москвой, что делает его независимым и более влиятельным, чем его номинальный начальник. Во всех республиканских центральных комитетах партии существует отдел безопасности, но он только формально ведает республиканскими отделениями КГБ. На самом деле этот отдел и не полномочен издавать инструкции или наблюдать за работой КГБ. Большинство ответственных оперативных работников КГБ — руководители отделов и подразделений в городских отделениях КГБ — русские.²⁵ Пограничные войска, которые также подведомственны КГБ, как правило, формируются из лиц неприбалтийского происхождения. Внутренние войска, исполняющие исключительно внутривнутриполитическую функцию, практически полностью состоят из лиц среднеазиатского и славянского происхождения, а офицеры этих войск — почти сплошь русские.²⁶ Внутренние войска, расквартированные в больших городах, равны по численности полку; они имеют автономную систему командования и связи с Москвой и могут совершенно обходить республиканское руководство. Наконец, в Прибалтике совершенно очевидно присутствие Советской армии, которая исполняет здесь функции „охраны порядка”, и части пополняются по строго экстратерриториальному принципу: местные призывники почти никогда не служат поблизости от родных мест. Из-за отсутствия прибалтов в военных подразделениях, размещенных на территории Прибалтийского военного округа, и стопроцентного славянского, преимущественно русского, состава его офицеров, прибалтам трудно относиться к советским вооруженным силам хоть с какой-то симпатией.²⁷

Факты говорят, что политическая система современной Прибалтики, в которой доминирующую роль играют люди со стороны, не коренные жители, сохраняется мерами, харак-

терными для оккупантов. Именно так воспринимает эту систему большинство населения Прибалтийских республик, и это всегда было и остается главной причиной неискоренимости разного рода диссента среди национально сознательных прибалтов.

Экономическая политика

С первого взгляда, советская экономическая политика в Прибалтике и общее состояние экономики на сегодня кажутся наименее вероятным фактором распространения диссента. Жизненный уровень в прибалтийских республиках самый высокий по Советскому Союзу (за исключением, может быть, некоторых районов Грузии и Армении). Материальная сторона жизни в Прибалтике несравненно лучше, чем во всех других советских республиках. Именно этот факт в сочетании с некоторыми культурными и историческими особенностями Прибалтийского региона в целом объясняет, почему Прибалтику часто с завистью называют „советской заграницей”.²⁸ И все же в экономической жизни Прибалтики имеются тенденции, которые порождают все более глубокую неудовлетворенность существующей экономической системой.

С первых послевоенных лет в прибалтийских республиках проводилась быстрая широкомасштабная индустриализация, которая осуществлялась методами, типичными для сталинского периода. Главная цель индустриализации прибалтийских республик состояла в интеграции их хозяйства в систему советской экономики, которая бы обеспечила централизованное планирование и контроль. Когда у власти находился Хрущев, произошла некоторая децентрализация. Было облегчено принятие решений — самостоятельные начинания на уровне республики. Весьма важным событием стало образование совнархозов в 1957 г. Эта система позволяла функционировать республикам как независимым административным и экономическим единицам гораздо в большей степени, чем это было при Сталине. В результате появились хозяйственники республиканского масштаба, которые действовали свободно, без чрезмерного вмешательства Москвы. Большое число промышленных предприятий перешло

в подчинение республиканским ведомствам, а бывшие всесоюзные министерства передали свои полномочия республиканским. В прибалтийских республиках более 80% промышленной продукции изготовлялось на предприятиях республиканского подчинения. Это была огромная перемена, если учесть, что в досовнархозовский период 90% промышленных предприятий Латвии управлялись московскими министерствами.²⁹

В таких условиях прибалтийские республики, особенно Эстония и Латвия, которые уже в довоенное время обладали развитой промышленностью, хорошей транспортной сетью и высококвалифицированной рабочей силой, благодаря талантливым руководителям и современной технологии достигли немалых успехов. К 1968 г. доход на душу населения в Эстонии превосходил средний уровень по СССР на 44%, в Латвии — на 42% и в Литве — на 15%. Прибалты, составляя лишь 2,8% советского населения, производят 3,6% валового продукта Советского Союза, а экспорт из прибалтийских республик превышает импорт на 10%.³⁰

Вскоре после падения Хрущева в 1964 г. СССР вернулся к несколько смягченной сталинской централизованной модели управления. Экономическая автономия Прибалтики, точнее возможность самостоятельного принятия хозяйственных решений, была сильно урезана.

В настоящее время в целях эффективного контроля большинство прибалтийских промышленных предприятий прямо подчинены московским министерствам. Все ключевые производства, большинство крупных заводов и фабрик изъяты вообще из ведения республиканских министерств. Москва контролирует всю военную и тяжелую промышленность, все фабрики, изготовляющие продукцию на экспорт из региона — в другие районы Советского Союза и за границу. Все эти производства, вместе взятые, составляют более половины индустрии Прибалтики.³¹

Другая мера советского руководства, вызвавшая отрицательную реакцию прибалтийского населения, — строитель-

во на территории Прибалтики промышленных предприятий, для которых здесь нет ни соответствующего сырья, ни трудовых ресурсов, ни рынков сбыта.³² Созданная таким образом резкая нехватка рабочей силы, особенно в Эстонии и Латвии, привела к огромному наплыву рабочих русского и вообще славянского происхождения. Именно это многие считают подлинной целью режима и, вероятно, не без оснований.

В начале 80-х годов промышленность Прибалтики перестраивали организационно, но новая организационная модель также вызывает неодобрение национально сознательных прибалтов, поскольку и она продолжает подрывать национальный характер экономики прибалтийских республик. Цель перестроек состоит в учреждении промышленных объединений, которые будут оперировать, не считаясь с республиканскими границами, и будут способствовать созданию прямых межреспубликанских связей. Если посмотреть на эти объединения с точки зрения национальных интересов прибалтов, то очевидны серьезные отрицательные последствия такой организационной структуры. В первую очередь, это сужает сферу применения национальных языков прибалтийских народов: несомненно рабочим языком в республиканских промышленных объединениях будет русский. Во-вторых, формирование подобных звеньев управления потенциально создает угрозу серьезной утечки национальных балтийских кадров, в частности, талантливых организаторов производства.³³

Кроме того, всеобщее неудовлетворение и недовольство вызывает ухудшение положения с товарами потребления, и особенно — с продовольствием. Начиная с середины 70-х годов Прибалтика все чаще и чаще испытывает нехватку продуктов питания. Хотя эти перебои здесь редки, а не хронические, как в других областях Советского Союза, тем не менее население очень встревожено, так как раньше в Прибалтике такого не случилось. И хотя жизненный уровень прибалтов и сейчас намного превышает уровень жизни всех остальных граждан Советского Союза, заметно снижение качества жизни и практическое прекращение роста жизненного уровня станет, вероятно, источником политического недовольства. Большинство прибалтов уверены в том, что нехватка товаров потребления и, в частности, продо-

вольствия, вызвана эксплуатацией Москвы. Прибалты считают, что их республики в промышленном отношении достаточно развиты, ресурсы высококвалифицированной рабочей силы тоже достаточны, и только коммунистическая система и советское господство являются барьером на пути к их экономическому процветанию. У них есть все основания так думать. До прихода советской власти Эстония и Латвия не уступали скандинавским странам, а Литва близко подходила к этому уровню. По некоторым показателям, например, по потреблению мясных и молочных продуктов, прибалтийские страны были в числе ведущих стран мира. Так, в 1937 г. потребление мяса на душу населения в Латвии составляло 89 кг, а молока — 566 л. Эти показатели в Соединенных Штатах в том же году были: 57,5 кг мяса и 368 л молока.³⁴ После включения в СССР, прибалтийские республики намного опережали все остальные республики Советского Союза по производству продуктов питания. Скажем, в Эстонии производство мяса, молочных продуктов и яиц более чем в 2 раза превышает среднюю цифру в целом по Советскому Союзу, а занято в сельском хозяйстве Эстонии лишь 12% населения, тогда как в целом по Союзу — 24%.³⁵ Латвия и Литва также идут далеко впереди по большинству показателей в сельском хозяйстве.

Однако несмотря на эти достижения в сравнении с остальными советскими республиками, в сельском хозяйстве Прибалтики в последние годы заметна стагнация и даже упадок в некоторых отраслях. Во всех трех республиках, начиная с 1977 г., снижается производство мяса, молочных продуктов и зерна. В мясной и молочных отраслях, на которые приходится две трети валового сельскохозяйственного продукта Прибалтики, объем производства сократился соответственно на 5% и 12%.³⁶ Трудности, переживаемые сельским хозяйством Прибалтики, стали непосредственной причиной ухудшения в снабжении продуктами питания и их доступности для населения. Однако и в нынешнем состоянии сельское хозяйство прибалтийских республик легко удовлетворило бы потребности собственного населения, если бы сельскохозяйственная продукция в значительном количестве не вывозилась бы за пределы этих республик.³⁷ Хотя статистические данные о таких поставках в Советском

Союзе не публикуются, косвенные доказательства дают возможность предположить, что, несмотря на снижение производства сельскохозяйственной продукции, государственные закупки не были сокращены, и в случае надобности могут быть увеличены для покрытия нехватки продовольствия в других районах Советского Союза. Выступая на собрании республиканского партийного актива, первый секретарь Коммунистической партии Литвы Гришкевичюс признал, что урожай зерна в 1979 г. был на треть меньше, чем урожай 1978 г., и отметил, что республика выполнила план по поставкам зерна государству.³⁸ Результатом такой политики стало замедление роста уровня жизни, и появились некоторые признаки его снижения в связи с нехваткой продовольствия. По данным, опубликованным в Советском Союзе, ни одна из прибалтийских республик не достигла официальной нормы потребления белков на душу населения: 88 кг мяса и 442 кг молочных продуктов.³⁹ В том же источнике отмечается, что даже в Эстонии, где население питается лучше чем в какой бы то ни было другой советской республике, потребление белков составляет лишь 70–80%⁴⁰ официальной нормы. Все чаще советские руководители признают, что проблема продовольствия очень серьезна и что решить ее трудно.

Открыто признается, что такие решения, как иногда предлагаемое сокращение субсидий на твердые цены продуктов питания, „приведут к значительному понижению жизненного уровня и сокращению потребления”.⁴¹ Статья в „Правде” о снабжении продовольствием Литвы заканчивается весьма пессимистически, указывая, что не так легко сократить разрыв между спросом и предложением и перестать употреблять привычное слово нехватка.⁴²

Продолжающееся ухудшение положения с продовольствием обостряет политическую неустойчивость в Прибалтике, так как недовольство в этом регионе, вызванное экономическими неурядицами, может легко перейти в политический протест. Приведем лишь один пример. Демонстрация эстонских старшекласников в октябре 1980 г., начавшаяся с требования улучшить качество пирожков и коржиков, продаваемых в школьных буфетах, переросла в открытое антисоветское выступление с требова-

нием свободы Эстонии.

Демографические тенденции и русификация

Больше всего коренных прибалтов беспокоят те аспекты советской политики, которые направлены на их денационализацию и русификацию. Именно эта опасность стала основным катализатором национальных волнений. Прибалтов чрезвычайно беспокоят изменения в национальном составе населения, очевидные в Эстонии и Латвии.

По переписи, проводившейся в 1979 году, в этих республиках произошло сокращение доли коренного населения в связи со значительным притоком славян и, в частности, русских.⁴³ С 1959 г. по 1979 г. коренное население Эстонии сократилось с 75,6% до 64,7%, в то время как русское население возросло с 20,1% до 27,9%.⁴⁴ За последние десять лет прирост эстонского населения составил около 2,3%, а русского – 22,1%. С 1959 г. по 1979 г. эстонское население республики увеличилось на 6,2%, а славянское – на 70%.⁴⁵ В течение того же периода доля латышей в населении Латвии уменьшилась с 62% до 53,7%, тогда как русское население увеличилось с 30,9% до 40%. Прирост латвийского населения за этот же период составлял около 250 человек в год, что ничтожно мало по сравнению с 4 тыс. человек в год за период с 1959 по 1970 гг.⁴⁶ И только Литве удалось сохранить неизменным процент коренного населения – 80%.⁴⁷

Частично эта статистика объясняется исключительно низкой рождаемостью – у латышей и эстонцев этот показатель близок к нулю. Естественно, что в результате низкой рождаемости и огромных потерь от депортаций и эмиграции, прибалтийское население все еще не достигло довоенного уровня.⁴⁸ Однако резкое увеличение доли славянского и особенно русского населения нельзя объяснить естественным приростом славян, проживающих в прибалтийских республиках, поскольку и у них очень низкая рождаемость. Рост некоренного населения объясняется увеличением иммиграции. Переезд в привлекательную для многих Прибалтику строго контролируется (в каждом конкретном случае переселения требуется разрешение на прописку).

ку). Поэтому прибалты уверены, что Москва совершенно сознательно наводняет Прибалтику русскими, чтобы постепенно денационализировать ее. Так это или нет, но в результате в какой-то степени эти негативные демографические процессы содействуют активизации национального самосознания.

Одним из доказательств озабоченности властей реакцией населения на это положение является старательное замалчивание сокращения коренного населения в прибалтийских республиках в газетах, журналах, в радио- и телепередачах.⁴⁹

Страх денационализации усилился в конце 70-х годов, когда власти стали явно форсировать внедрение русского языка за счет местных языков. Эта кампания, разработанная для всего Советского Союза, началась после постановления Совета Министров СССР от 13 октября 1978 г. „О мерах по улучшению преподавания русского языка в нерусских районах”.⁵⁰ В следующем году на общесоюзной конференции в Ташкенте „Русский язык — язык дружбы и сотрудничества народов Советского Союза” был намечен ряд дополнительных мер, которые подтвердили намерение советских руководителей интенсифицировать распространение русского языка.⁵¹

В Прибалтике, где русский язык уже доминирует в некоторых районах, эти меры вызвали сильный отпор, особенно население возражало против введения русского языка в детских садах, превращения национальных школ в так называемые „смешанные” с преобладанием русского языка и против русификации в области высшего образования. Ныне совершенно ясно, что на всех уровнях системы образования предпочтение отдается русскому языку. Даже в нерусских школах изучению русского языка отводится больше времени, чем родного языка.⁵² И, напротив, школьникам русских школ в нерусских республиках очень редко предъявляется требование серьезного изучения национального языка республики.⁵³ Предпочтение русского языка в университетах на всей территории СССР — общеизвестный факт. Не владея свободно русским, практически нельзя получить диплом. То же самое в науке: многие научные дисциплины преподаются только по-русски, учебники и пособия имеются только на русском языке. Сейчас даже кандидатские и докторские диссертации, посвященные проблемам

национальных литератур, должны быть написаны и защищены на русском языке. Усиленное подавление национального языка республики особенно заметно в Латвии. Передачи по трем (из четырех) телевизионных программ ведутся по-русски, а четвертая — частично на русском и частично на латышском.⁵⁴ В 1935 г. 88% изданных в Латвии книг вышли на латышском языке. Сейчас — лишь 52%. Аналогична статистика газет и журналов.⁵⁵ Произведения художественной литературы, изданные по-латышски: в 1935 г. — 455, в 1977 г. — 154.⁵⁶

Тревога прибалтов могла возрасти в связи с приходом к власти Андропова, который взял курс на дальнейшую „интернационализацию” советского народа. Традиционной, торжественно провозглашаемой целью советской национальной политики со времени Ленина, было слияние национальностей в единый советский народ. Теоретически эта цель должна быть достигнута после длительного периода так называемого сближения национальностей. Среди нерусского населения СССР этот теоретический постулат воспринимается как эвфемизм русификации и, естественно, вызывает горечь и негодование.⁵⁷ Прекрасно сознавая, что простое упоминание о теории и практике слияния национальностей вызывает ужас у нерусских народов, советские руководители при Брежневе осторожно избегали рассуждений на эту тему. Сам Брежнев затронул эту проблему лишь однажды и лишь для того, чтобы отрицать, что слияние национальностей действительно происходит.⁵⁸

Однако Андропов, находясь у власти всего полтора месяца, совершенно определенно заявил: „Наша конечная цель ясна. Это, по словам Ленина, не только сближение национальностей, но их слияние”. Отметив, что предстоит пройти долгий путь, прежде чем эта цель будет достигнута, он тем не менее предостерег: „нельзя сдерживать наступления того, что уже созрело”.⁵⁹ Эта бескомпромиссная поддержка Андроповым „великой” цели слияния национальностей, а также уверение, что положение благоприятствует самому решительному преследованию этой цели, свидетельствовало о желании ужесточить политику русификации. Советские пропагандисты и партийные теоретики начали на все голоса расхваливать достоинства интернационализации. И делали они это гораздо наглее, чем во времена Брежне-

ва. Прибалтам и другим малым народностям совершенно очевиден конечный результат „интернационализации”. Время от времени даже в советских официальных изданиях мелькают признания о действительных намерениях московских руководителей и сути так называемой интернационализации. Например, в статье А.И. Холмогорова, общепризнанного эксперта по национальному вопросу, утверждалось, что интернационализация пронизала стороны жизни советских людей и ускорила „этнические процессы, которые привели к значительному сокращению численно небольших национальных общностей в СССР”. Он с удовлетворением отмечает, что в 1926 г. таких небольших общностей насчитывалось 200, а сейчас осталось только 90.⁶⁰

Трудно сказать, окажется ли советская политика русификации Прибалтики успешной. Но поныне все три прибалтийских народа крепко держатся за свою национальную культуру и язык и далеки от того, чтобы принять советские принципы или русский язык „в качестве универсального средства социалистической интернационализации”. Непохоже, чтобы демографическая ситуация — какой бы тревожной она ни была в настоящий момент в Латвии и Эстонии — серьезно ухудшилась в будущем. Вследствие демографического упадка, который переживает русское население и который вызывает острую нехватку рабочей силы, ожидается, что иммиграция молодых русских в Прибалтику сократится и последует некоторый отток оттуда к середине 80-х годов. Прогнозы таковы, что к этому же времени численность коренного населения Латвии и Эстонии стабилизируется в его нынешних размерах, а доля литовского населения в Литве может даже немного увеличиться.⁶¹

Поскольку прибалты продемонстрировали удивительную стойкость в условиях постоянного давления русификаторской политики, сейчас им не угрожают ни непосредственная денационализация, ни культурная ассимиляция. Упорное стремление режима лишить прибалтов их национальной культуры и языка привели к тому, что в недрах этих наций активизировалось национальное сознание.

III. ПРОЯВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ДИССЕНТА В ПРИБАЛТИКЕ

Анализ специфических форм проявлений протеста в Прибалтике полезно предварить общей характеристикой и сравнением с диссидентом на территориях, населенных русскими, чтобы установить сходство и различия диссидентского движения тут и там.⁶²

Даже сам термин „диссидентское движение” может не подходить для описания действий, направленных против государственного и партийного истаблишмента Прибалтики. Поскольку общепринятое значение термина „диссент” — это отклонение взглядов меньшинства от большинства, то, без сомнения, термин этот более всего подходит к русским инакомыслящим. Эти, хотя и самоотверженные и преданные своему делу люди, принадлежат почти исключительно к специфическому общественному слою — интеллигенции.

Как правило, русские инакомыслящие не пользуются широкой поддержкой народа. Они представляют достаточно серьезный вызов власти, но все-таки эта угроза не смертельна.

Напротив, диссиденты в Прибалтике могут рассчитывать на массовую поддержку, потому что катализатором их движения является национальное тождество и цели.

Национальные устремления переходят границы интересов отдельных социальных слоев и экономических классов, объединяя людей разных политических взглядов, религиозных убеждений и разных возрастов. По этому признаку диссиденты Прибалтики близки к диссидентам восточноевропейских стран и, как и в этих странах, диссидентское движение в Прибалтике способно перерасти в массовое оппозиционное движение. Хотя как в русских областях, так и в Прибалтике диссидентство направлено против системы, прибалты гораздо последовательнее и решительнее в отрицании системы как таковой. Хотя русские инакомыслящие, как правило, отрицают советскую политическую систему, — только некоторые из них выступают против многонационального советского государства или готовы рассматривать вопрос о предоставлении независимости различным нерусским народам.⁶³ Для прибалтов, естественно, отрицание советской политической гегемонии — лишь первый шаг. Их ко-

нечная цель — национальное освобождение. Движущей силой и основной причиной прибалтийского диссента является защита и культивирование их реальных национальных идеалов и устремлений, в том числе религиозных и культурных ценностей. Таким образом, он направлен против советской системы в целом. И несмотря на то, что защита прав человека играет важнейшую роль в прибалтийском диссидентском движении, оно все-таки, в отличие от русского диссента, в первую очередь, и по преимуществу является движением за национальные права.⁶⁴ И эта национальная основа диссента в Прибалтике придает ему потенциал массовой оппозиции. Этим отличается это движение от диссидентского движения русской интеллигенции. Поэтому и сам режим видит в прибалтийском диссидентском движении более серьезную угрозу, которую нельзя устранить легко и быстро, вследствие его национальной базы.

В прибалтийском диссидентском движении можно выделить два основных направления: религиозное и политическое. На практике они дополняют друг друга, и участники одного помогают участникам другого направления, но все-таки они преследуют несколько разные цели и идут к ним разными путями, и потому мы будем рассматривать их по отдельности.

Религия и диссидентское движение

Религиозные движения в Прибалтике многообразны по характеру, интенсивности и численности участников. Наиболее активным из них является католическое движение в Литве.⁶⁵

Возникновение этого в высшей степени жизнеспособного движения в защиту религиозных прав обусловлено уникальной ролью литовской католической церкви.⁶⁶ Литовцы, в отличие от других балтийских народов, очень однородны в религиозном отношении. 80% населения Литвы исповедует католицизм. История литовского народа отражает тесное переплетение национальных и религиозных ценностей. Литовская католическая церковь стала хранительницей национальных идеалов и символом национальной независимости. В этом отношении литовская церковь существенно отличается от любой другой церкви или об-

щины на территории Советского Союза, за исключением, может быть, лишь западноукраинской униатской, которая очень схожа с польской католической церковью.

Религиозное сопротивление в Литве вырвалось наружу лишь в конце 60-х годов, но в скрытом виде оно существовало на протяжении всего послевоенного периода. После советской оккупации католическая церковь, объединявшая 85% литовского населения, подверглась жесточайшему преследованию. Уцелел лишь один литовский епископ, все остальные были или депортированы, или расстреляны, и нет числа ксендзам, которых постигла та же участь. Все католические монастыри, и женские и мужские, были закрыты, а монашеские ордены распущены. Теологический факультет Каунасского университета и три из четырех семинарий были ликвидированы; оставшиеся семинарии были существенно ограничены в своих функциях. Церковная собственность и фонды были конфискованы, священников лишили средств существования. Совершенно очевидным было намерение режима искоренить католичество в Литве.

Однако, несмотря на отчаянное положение, в котором оказалась церковь, несмотря на жестокость расправ и унижения, большинство священнослужителей не покорились новому режиму и в двух ключевых вопросах открыто не повиновались властям. Во-первых, большинство епископов и членов церковных управлений отказывались выступить с заявлением, в котором осуждались бы партизаны, боровшиеся за независимость Литвы.⁶⁷ Более того, многие священники активно помогали и содействовали сопротивлению, хотя утверждение советских источников, что 250 ксендзов участвовали в вооруженной борьбе, а 50 — возглавляли эту борьбу — является преувеличением.⁶⁸

Во-вторых, власти попытались принудить Литовскую католическую церковь разорвать узы, объединяющие ее с Ватиканом, и сформировать национальную церковь, но это вызвало всеобщее сопротивление. Согласие на такую реформу было бы первым шагом на пути к полному уничтожению католичества в Литве. Эта попытка натолкнулась на такой резкий объединенный отпор всей оппозиции, что режим вскоре отказался от этой затеи.⁶⁹

Начиная с 1954 г., в период десталинизации, давление

на католическую церковь было несколько ослаблено. Многие депортированные ранее священники смогли вернуться в родные края и возобновить службу.

Литовская католическая церковь понемногу стала оправляться от перенесенных испытаний. Но передышка продолжалась недолго. Новые, гораздо более жесткие ограничения, обрушились на церковь с началом хрущевской антирелигиозной кампании.

В 1959 г. двоим епископам, посвященным в сан во время „оттепели”, запретили служить, и они были отправлены в ссылку. В 1966 г. был введен закон, строжайшим образом ограничивавший пасторские послания епископов и религиозное образование детей. Еще более чувствительным для католической церкви в Литве было сокращение численности учащихся Каунасской семинарии с 80 до 28, что было совершенно недостаточно для замены состарившихся священников. Ведь именно возможность обновления кадров профессионально подготовленными людьми, в конце концов, и обеспечивала выживание церкви в течение долгого времени.⁷⁰ В ответ на эти притеснения, более активные священники в 1968 г. начали сбор подписей под петицией, призывающей советское правительство и руководство коммунистической партии прекратить репрессии против религии. В 1971 г. трое священников были арестованы и приговорены к лишению свободы за то, что „обучали религии” детей. Суды над ними стали искрой, воспламенившей всеобщее недовольство политикой режима и превратившей его в открытое сопротивление властям.

Священники и активные прихожане побуждали верующих к защите своих конституционно гарантированных прав и к открытому протесту. Эти призывы встретили широкую поддержку и выявили способность масс к организованным действиям. В начале 1972 г. 17 тыс. литовских верующих подписали петицию, в которой перечислялись все их претензии режиму. Она была адресована Брежневу, но послана через Генерального секретаря ООН Курта Вальдхайма, чтобы привлечь внимание мира к положению верующих в Литве. Вскоре, в марте 1972 г., вышел в свет первый выпуск самиздатской „Хроники литовской католической церкви”. С тех пор эта Хроника выходит регулярно

но, несмотря на постоянные усилия КГБ пресечь ее издание.⁷¹

Таким образом, католическое движение в Литве — это движение верующих в защиту своих прав и свободы совести. Борьба эта хорошо организована и ведется разнообразными методами одновременно в нескольких направлениях.

Петиции и протесты в различные государственные и партийные инстанции, право на представление которых предусмотрено советской конституцией, широко используется по сей день как способ оппозиции режиму. Диссиденты имеют массовую поддержку, несмотря на опасность любых форм открытого неповиновения. За последние десять лет властям были направлены десятки петиций — с более чем тысячей подписей. В 1979 г. петицию председателю Комитета по делам религии и церкви при Совете Министров СССР подписали 10.241 человек. В том же 1979 г. была послана петиция Брежневу с беспрецедентным не только для Литвы, но и для всего СССР, количеством подписей — 148. 149. Петиционеры требовали возвращения прихожанам церкви, конфискованной властями.⁷² Протесты против религиозных притеснений, согласно одному из недавних исследований,⁷³ достигают 6,8% всех выступлений инакомыслящих в СССР, хотя их участники — литовские католики, составляют всего 1% советского населения.

Еще одна форма независимой активности литовских католиков — публикация самиздатских журналов и бюллетеней, сборников и молитвенников. Тиражи неподцензурных изданий достигают сотен тысяч экземпляров.⁷⁴ Одним из важнейших факторов жизнестойкости католического движения стала неподцензурная периодическая пресса. В дополнение к уже упомянутой „Хронике литовской католической церкви”, с середины 70-х годов выходят по крайней мере восемь журналов католического толка. Эти журналы не однородны тематически и адресованы разным аудиториям. Один имеет цель помочь работе священников, три занимаются проблемами молодежи, два посвящены культурно-религиозным вопросам, а два других — анализируют, в основном, культурно-политические проблемы. Если издание какого-либо журнала приостанавливалось, его сменял другой, с аналогичной ориентацией.

Столкнувшись с враждебностью и неуступчивостью режима,

католическое движение дополнило протесты и распространение информации созданием так называемой „катакомбной церкви“, которая действует бок о бок с обычной церковью. В середине 70-х годов, когда на первый курс единственной разрешенной властями семинарии было принято всего 5 учеников, по-видимому, началась подготовка священников в неофициальной семинарии. Несколько священников, получивших образование таким путем, уже служат в костелах — этот факт признается даже в официальной советской литературе.⁷⁵ Запрещенные женские монастыри также стали функционировать независимо и, согласно самиздатским источникам, монахинь сейчас больше, чем во времена самостоятельной Литвы.⁷⁶

Монахини активно занимаются религиозным образованием детей а также изданием и распространением религиозной литературы. Есть свидетельства о существовании закрытого общества мирян „Друзья евхаристии“, которое занимается, среди прочего, организацией молитвенных собраний.⁷⁷

Литовские священники совершили чрезвычайно редкий в Советском Союзе акт, выразив решительное несогласие с инструкциями правительственных органов относительно внутрицерковной жизни, которые противоречат церковным канонам и советской Конституции, гарантирующей свободу вероисповедания. Эти законоположения, принятые в 1976 г., существенно ограничивали права верующих и ставили церковь в полное подчинение местным органам власти, не оставляя ни верующим, ни церкви права на какое-либо юридическое опротестование.⁷⁸ В результате открытой кампании протеста против этих постановлений в ноябре 1978 г. был сформирован Католический комитет защиты прав верующих в Литве, состоявший из пяти священников и ставший рупором религиозного сопротивления в Литве, самым его активным представителем.⁷⁹ По инициативе Комитета была составлена и направлена в правительственные инстанции целая серия заявлений. Их подписали две трети литовских священников. Они совершенно определенно заявили, что не будут соблюдать эти инструкции и готовы добиваться большей независимости церкви. Они писали:

Мы, священнослужители, совершенно убеждены в том,

что у нас есть полное право оставлять без внимания инструкции, находящиеся в прямом противоречии с Конституцией, церковными законами и нашими прямыми обязанностями. Более того, мы далее не намерены ставить в известность гражданские власти о загородных прогулках, организуемых церковью (службах на открытом воздухе), о священниках, которые будут принимать в них участие и проводить их. Мы более не намерены предоставлять властям статистические данные о верующих, ибо это является внутренним делом церкви.⁸⁰

Позднее, в мае 1981 г., 59 из 60 членов церковного совета, представляющего все шесть епархий, подтвердили, что

„литовские священники и верующие никогда не смогут согласиться с требованиями, которые нарушают иерархическую систему церкви и противоречат положениям церковного права“.

Авторы этого заявления писали, что церковь подчиняется только Папе Римскому и архиепископам и фактически не признает юрисдикции государства в церковных делах.⁸¹

Когда Карол Войтыла был в конце 70-х годов избран Папой Римским и стал Иоанном Павлом Вторым, это ободрило и активизировало литовскую католическую церковь и поддержало ее борьбу по защите прав верующих. Предшественники Иоанна Павла II, Павел VI и Иоанн XXIII в своей политике по отношению к Москве выражали готовность к компромиссам и избегали конфронтации. Они предпочитали умалчивать о борьбе верующих за свои права в коммунистических странах. Новый Папа Римский, будучи польским епископом, имел личный опыт противостояния коммунистическому режиму. С самого начала своей деятельности он показал, что его глубоко заботит положение христиан в странах советского блока и что ради них он готов идти на конфронтацию с Москвой.⁸² Папа Римский Иоанн Павел II очень хорошо знает ситуацию, в которой приходится действовать Литовской католической церкви. Он неоднократно выражал особую заботу о литовцах, твердо, хотя и нег-

ласно поддерживая их в трудной борьбе. Так, он наотрез отказался назначить на церковные посты кандидатов, которых одобряли власти, но большинство верующих считало коллаборационистами.

Летом 1982 г. Иоанну Павлу II удалось добиться восстановления в правах заслуженного литовского епископа Винчен-таса Сладкевичюса, который находился в ссылке около двадцати лет. Есть свидетельства, что при Иоанне Павле II Ватикан стал оказывать моральную поддержку независимой деятельности Литовской католической церкви.⁸³ Под заявлением Бржегеву с перечислением всех жалоб и требований католиков поставили подписи 90% и литовских священников.⁸⁴ Эта акция в ряду многих свидетельствует, что литовская церковь не идет на компромиссы с властями, продолжает расти и готова бороться за свои права, чтобы функционировать как живой и жизнеспособный социальный институт. Как сказано в одном самиздатском документе,

„... литовские священники и верующие очень давно поняли истину, прекрасно выраженную Папой Римским Иоанном Павлом II, который заметил, что у верующих будет столько религиозной свободы, сколько они завоюют“.⁸⁵

Массовое, сильное и хорошо организованное движение вынудило режим на уступки католической церкви. Организация неофициальных семинарий и типографий заставила власти повысить квоту приема в Каунасскую семинарию с 5 до 25 человек и разрешить издание Катехизиса. В 1979 году, впервые после войны, он выпущен тиражом 65 тыс. экземпляров.

Благодаря своей упорной борьбе литовская католическая церковь сейчас сильнее и крепче, чем когда-либо при советской власти. Этот факт признают даже советские представители.

Население Литвы — 3,4 млн. человек, и 75% литовцев — активные католики. Половина всех бракосочетаний в городах

и 95% бракосочетаний в сельской местности происходит в церк-вах, а новорожденных крестят почти всех.⁸⁷ Несмотря на запрет властей, дети получают религиозное образование и участвуют в богослужении практически во всех литовских приходах.

Однако это довольно стабильное положение Литовской католической церкви ни в коем случае не означает, что в отношениях церкви с режимом был найден „modus vivendi“ (способ существования). Как раз наоборот. Власти вынуждены были сделать некоторые уступки верующим, но конечная цель режима осталась той же — разрушение всех форм организованной религии. С начала 80-х годов, обеспокоенное усилением церкви советское руководство начало новую кампанию против нее. Традиционные методы борьбы — изоляция церкви и пресечение религиозной деятельности, были дополнены „тактикой прямого насилия и душения церкви“. По Литве прокатилась волна поджогов, разграблений и осквернений церковей. С лета 1981 г. начались разгоны религиозных процессий и собраний, однажды в такой операции участвовали не только КГБ и милиция, но и войска.⁸⁸ Но больше всего пугает, что с конца 1980 г. трое священников были убиты при обстоятельствах, вызывающих подозрение о причастности к их гибели КГБ. За несколько дней до смерти на каждого из них обрушивалась советская печать с разоблачениями их якобы антисоветской деятельности.⁸⁹ Режим, серьезно обеспокоенный возрождением религиозных настроений в Литве, усилил идеологическую борьбу с церковью. Атеистическая пропаганда особенно активно ведется среди молодежи. Пленум ЦК коммунистической партии Литвы был специально посвящен вопросам атеистического воспитания и формирования сознания молодежи в духе интернационализма.⁹⁰

Тщательно продуманные антирелигиозные кампании 80-х годов изображали священников-диссидентов как „экстремистов“ антисоветчиков и реакционеров, стремящихся к достижению своих политических целей. Как заявил тогда первый секретарь ЦК КП Литвы П. Гришкевичюс, „церковные экстремисты пытаются использовать религию для достижения реакционных политических целей — подрыва дружбы народов и возрождения буржуазно-националистических взглядов. Важно, чтобы люди

хорошо понимали, что церковные экстремисты преследуют не религиозные, но реакционные политические цели".⁹¹ Один из аппаратчиков обвинил „политизированное духовенство" в стремлении „дискредитировать и оклеветать политику партии", а также „преувеличить и извратить роль религии в истории литовского народа и литовской культуры". Этот же докладчик подчеркнул, что „необходимость атеистического воспитания остается актуальной даже в современных условиях", и тем, сам того не желая, признал жизнестойкость литовской католической церкви и ее влияние на молодежь.⁹² Представляя борьбу за свободу вероисповедания как антисоветскую политическую кампанию, советские пропагандисты связывают религиозное движение в Литве с „реакционными кругами" за границей, в первую очередь с Ватиканом, обвиняя его в том, что новая политика Ватикана по отношению к СССР имеет целью дестабилизацию социалистического содружества, побуждает „экстремистские элементы к совершению незаконных акций".⁹³ По утверждению одного из ответственных работников КГБ, литовские „религиозные фанатики" под влиянием Ватикана стали „проводниками враждебных устремлений антикоммунистов",⁹⁴ а другой советский чиновник доказывал, что литовская церковь играет важную роль в „психологической войне", которую „международная реакция" ведет против Советского Союза.⁹⁵

Резкость выступлений, обнаружившая нетерпимость по отношению к церкви, указывала на подготовку новой кампании против религиозного движения. Пятый пленум ЦК КП Литвы, видимо, был специально посвящен этим вопросам. На пленуме, однако, отмечалось, что „строгие меры необходимо применять систематически в полном соответствии с положениями Конституции и законами о религиозных культах".⁹⁶

С приходом к власти Андропова в сфере идеологии явно наметилось „закручивание гаек" и, в частности, усиление антирелигиозной пропаганды. Первым в серии „строгих мер" был арест в январе 1983 г. ксендза Альфонсаса Сваринскаса, основателя Католического комитета защиты прав верующих в Литве. В мае 1983 г. его приговорили к семи годам заключения и трем годам ссылки. Судов над священниками в Литве не было с 1971 г. и, кроме того, Альфонсас Сваринскас был первым литовским

священником, которого судили за антисоветскую деятельность.⁹⁷ Антирелигиозная кампания продолжалась и после этого суда, ничуть не ослабевая. В феврале 1983 г. печатный орган ЦК КП Литвы газета „Советская Литва" в духе сталинского времени обвинила литовских священников в „преступных связях" с нацистскими оккупантами и гестапо во время второй мировой войны.⁹⁸ В начале мая было возбуждено дело против другого активного священника Сигидаса Тамкявичуса. Его обвинили в „подрыве советского государственного и общественного строя путем передачи антисоветской информации западным корреспондентам, а также в подстрекательстве молодежи к неподчинению властям".⁹⁹

Очевидно, что для подавления религиозного движения в Литве была избрана тактика прямого административного давления. Самый факт обращения режима к таким методам борьбы с литовской католической церковью свидетельствует о силе и жизнеспособности религиозного движения в Литве. В последнее десятилетие это движение переросло рамки „группы несогласных с существующим режимом" и превратилось в широкую народную оппозицию атеистической власти в ее стремлении покончить с религией.

Политический диссент

Политическое инакомыслие в Прибалтике, как и религиозное движение, зародилось гораздо ранее 70-х годов. Открытые протесты были нередки с середины 60-х годов, а отдельные проявления возмущения случались и раньше. Однако политическое недовольство 70-х — начала 80-х годов отличается от предшествующих его проявлений возрастанием численности участников и интенсивностью, вследствие чего их можно рассматривать как качественно новый этап.¹⁰⁰ Из трех прибалтийских республик Литва занимает первое место по масштабам проявлений политического недовольства, за ней следует Эстония и лишь далеко позади — Латвия, но формы политических выступлений обнаруживают некоторые общие черты, что позволяет рассматривать прибалтийское политическое инакомыслие как единый феномен.

Политические выступления в Прибалтике сфокусированы на иных проблемах и идут совершенно особыми путями, нежели русское инакомыслие, которое является преимущественно правозащитным. В Прибалтике же эти выступления ярко выражают национальные цели и последовательно отрицают советскую систему как таковую. На протяжении последнего десятилетия диссиденты всех трех прибалтийских республик считают основной задачей восстановление политической независимости Латвии, Литвы и Эстонии. Опять же, в отличие от некоторых диссидентов России, в Прибалтике почти нет приверженцев реформирования коммунизма. Даже в среде партийного государственного аппарата Прибалтики несогласие с официальной политикой носит национальный характер.¹⁰¹

Публичные протесты и демонстрации

Основные формы политических выступлений против советского господства в Прибалтике — стихийные массовые выступления и организованные выступления диссидентов. Первая массовая демонстрация в постсталинский период произошла в Литве в 1956 г. Четыре года спустя, в 1960 г., в Каунасе произошел настоящий бунт. По-видимому, майская демонстрация 1972 г. в том же Каунасе была самым крупным (и самым известным) выступлением против режима. Поводом для нее послужило самосожжение литовского подростка в знак протеста против советского правления. Для подавления этой демонстрации были вызваны войска. Массовые демонстрации происходили также в эстонских городах: в Таллине (1972 г.) и в Тарту (1976 г.), а также в Латвии в Лиенае (1977 г.), в столице Литвы Вильнюсе (октябрь 1977 г.). Волна массовых выступлений захватила Таллин, Тарту и ряд других эстонских городов осенью 1980 г. В 1982 г. повторилась массовая демонстрация в Вильнюсе. Мы перечислили лишь наиболее крупные и документированные выступления, другие, послабее, проходят незамеченными.

Готовность прибалтов к открытому выражению несогласия с властью, несмотря на опасность гонений за это — явление в высшей степени примечательное. Было подсчитано, что с 1966 г.

по 1977 г. в Прибалтике произошло 94 демонстрации, что составляет 18,9% от общего числа демонстраций в Советском Союзе за эти годы при том, что прибалты составляют менее 2% населения СССР.¹⁰² Так, Давид Ковалевски, автор исследования о диссенте, полагает, что диссидентское движение в этих республиках направляется талантливыми организаторами и является в высшей степени дисциплинированным и целеустремленным. Лишь 8,5% выступлений здесь были стихийными, большинство же планировалось заранее и привлекало большое число участников. Треть демонстраций насчитывала более 500 человек, а половина — более 100.¹⁰³ В большинстве случаев в демонстрациях участвовали люди разных поколений и из разных социальных слоев. В отличие от правозащитного движения в России, среди демонстрантов в Прибалтике доминировали рабочие и молодежь.

Протесты проходили не только в больших прибалтийских городах, но и в деревнях, хуторах и небольших административных центрах. Более половины (точнее 56,9%) демонстраций в Литве с 1970 г. по 1977 г. приходится на деревни и городки с населением менее 4 тыс. человек.¹⁰⁴ Есть также указания на сочувствие прибалтийского населения участникам протестов и демонстраций. Так, известно, что при разгоне демонстраций власти предпочитают не прибегать к помощи дружинников, которые рекрутируются в основном из местного населения. В Литве лишь в 3,9% таких случаев власть обратилась за помощью к дружинникам, в большинстве случаев использовались войска МВД и армейские подразделения, где почти нет прибалтов.¹⁰⁵ Это свидетельствует, что режим не доверяет местным кадрам, когда речь идет об усмирении соотечественников.

Организации инакомыслящих и самиздат

Первая известная нам политическая группа сформировалась в Эстонии в 1966 г. Это „Эстонское демократическое движение“. Целью группы были перепечатка и распространение самиздатских материалов.¹⁰⁶ Немного позже был образован „Эстонский национальный фронт“, который стремился подготовить почву для восстановления независимости Эстонии.¹⁰⁷

В октябре 1972 г. „Демократическое движение” и „Национальный фронт” обратились с совместным заявлением к Генеральной Ассамблее ООН и генеральному секретарю ООН, требуя восстановления суверенитета Эстонии и проведения там под эгидой ООН свободных выборов. В заявлении перечислялись нарушения властями гражданских прав и прав человека и описывалась политика русификации в Эстонии.¹⁰⁸ В середине 70-х годов многие ведущие деятели диссидентского движения в Прибалтике были арестованы и осуждены на долгие сроки заключения. Режиму удалось на какое-то время подавить эти движения. Однако вскоре сформировались новые группы: „Патриотический и демократический фронт Эстонии” и „Общество озабоченных эстонцев”, которые возродили и продолжили работу разгромленных организаций.¹⁰⁹ В конце 70-х годов в Эстонии появились еще две группы, которые видели свое назначение главным образом в сохранении национальной культуры.¹¹⁰ На протяжении 70-х годов и вплоть до настоящего времени в Эстонии не прекращается самиздат. Через самиздат стало известно о других группах, члены которых не сообщают своих имен¹¹¹

В Литве первая правозащитная группа появилась в 1976 г. Это была Литовская хельсинкская группа, которая подготовила ряд документов о нарушениях прав человека в Литве. Есть там и группы, действующие негласно. Они особенно эффективны в распространении самиздатской литературы. В Литве самиздат богат, как нигде в Советском Союзе. Там выходит шесть неподцензурных периодических журналов. К 1980 г. общий объем вышедшей в самиздате периодики составит 9 тыс. страниц.¹¹²

По сравнению с Эстонией и Литвой, диссидентское движение в Латвии организовано хуже и менее заметно, однако и там известны проявления организованного протеста. Самое раннее известное нам событие — самиздатское „Письмо семнадцати латышских коммунистов”, написанное в 1972 г. В этом документе советская национальная политика и русификация критиковались с марксистской точки зрения. В 1975 г. появились две диссидентские группы: „Движение за независимость Латвии” и „Комитет демократической молодежи Латвии”,¹¹³ а в 1976 г. к ним добавилась „Латвийская христианско-демократи-

ческая ассоциация”, поставившая своей целью защиту христианских идеалов и национальных ценностей.¹¹⁴ Недавно стало известно об еще одной диссидентской группе социал-демократического направления, которая, по-видимому, действовала с 1975 г. В 1981 г. двое ее руководителей были приговорены к долгим срокам лишения свободы, но группа продолжает действовать.¹¹⁵ Самиздат в Латвии представлен всего несколькими неподцензурными изданиями.¹¹⁶

Политическое инакомыслие в Прибалтике развивается в общих рамках активизированного национального сознания и стремлений к национальной независимости. В то же время для него характерно разнообразие идеологических и философских мировоззрений, от христианско-нравственного, до секулярно-либерального, социал-демократического и даже неомарксистского. Прибалтийские диссиденты и их самиздатские публикации стремятся к сохранению национального своеобразия прибалтийских народов и выступают против московской программы русификации, против ассимиляторских тенденций и в защиту национальных языков. В самиздате обсуждаются также вопросы, не являющиеся политическими в прямом смысле слова, но чрезвычайно важные для выживания прибалтов, например, алкоголизм. В Литве, где масштабы пьянства стали угрожающими, издается самиздатский журнал, посвященный исключительно этой теме.¹¹⁷ В самиздатской периодике, наряду с национальной проблемой, регулярно освещают случаи нарушений прав человека в прибалтийских республиках. Они также информируют мировую общественность о положении в этих республиках.

До недавнего времени власти проявляли некоторую сдержанность по отношению к религиозным диссидентам, но никогда никаких послаблений не делалось диссидентам политическим. Сотни людей, причастных к такой деятельности или лишь подозреваемых в этом, были брошены в тюрьмы, лагеря или насильственно помещены в психиатрические больницы. КГБ удалось пресечь выпуск нескольких журналов и разгромить несколько диссидентских групп, но движение в целом продолжает существовать и даже усиливается.

Национальные, но не националистические движения

При доминировании национальных тенденций в диссидентском движении всех трех прибалтийских республик в нем нет замкнутости и шовинизма. Напротив, оно известно неустанной заботой о правах других народов и стремлением сотрудничать с теми, кто испытывает такие же трудности и ставит перед собой сходные цели.

С середины 70-х годов, как только движение стало оживать, прибалты стремятся к объединению и созданию единого фронта перед лицом общей опасности. Однако до сих пор все известные нам попытки объединения в единое оппозиционное движение были неудачными. Тем не менее, в последние годы все чаще происходят совместные политические акции. Так, в августе 1979 г. 45 известных диссидентов из трех прибалтийских республик подписали меморандум в связи с сороковой годовщиной пакта между нацистской Германией и СССР. Они требовали, чтобы СССР, ФРГ и ГДР официально аннулировали это соглашение и вернули независимость балтийским государствам;

– в январе 1980 г. 26 прибалтийских активистов выступили с осуждением советского вторжения в Афганистан;

– летом 1980 г. вышло совместное заявление с призывом к бойкоту Олимпийских игр в Москве;

– в октябре 1981 г. было написано коллективное открытое письмо к руководителям европейских государств и Советского Союза, призывающее включить Прибалтику в безъядерную зону северной Европы.¹¹⁸

Прибалтийские диссиденты стремятся установить связи с русскими диссидентами и представителями других национальных движений. Сотрудничество с русскими инакомыслящими имеет долгую историю: в 1969 г. появилась „Программа демократов России, Украины и Прибалтики”.¹¹⁹ Один из самых ярких примеров – тесная кооперация между прибалтийскими диссидентами и офицерами Балтийского флота, по преимуществу русскими, которые в конце 60-х годов обсуждали возможность установления в Советском Союзе демократического режима военным путем.¹²⁰

Непосредственные контакты были установлены с русски-

ми правозащитниками, включая академика Сахарова, который часто информировал в русском самиздате о проблемах прибалтийских народов. Русские диссиденты систематически передавали информацию о Прибалтике и самиздатские документы оттуда западным корреспондентам и помогали решать организационные вопросы. Так, в 1976 г. Литовская хельсинкская группа была объявлена на пресс-конференции в Москве. Прибалтийские диссиденты сознают важность возрождения национального движения в других республиках для их собственного успеха. В 1976 г. возникла организация, назвавшаяся „Демократы России, Украины и Прибалтики”.¹²¹

Диссент в Прибалтике в 80-е годы

В 80-е годы политическое инакомыслие в Прибалтике и ответная реакция режима на него по характеру не отличались от предшествовавшего десятилетия. Однако интенсивность движения повысилась. Самым важным внешним стимулом этой интенсификации было возникновение независимых профсоюзов в Польше.¹²²

В числе других факторов очень важную роль сыграла географическая близость: информация о событиях в Польше была гораздо доступнее в Прибалтике, чем в других районах Советского Союза. Прибалты всегда были хорошо осведомлены о развитии исторической конфронтации между „Солидарностью” и польским режимом.¹²³ Трудно судить в какой степени драматические события, начавшиеся в Польше в августе 1980 г., непосредственно повлияли на диссидентское движение в Прибалтике, но, очевидно, что его активисты следили за ходом польских событий с острым интересом и с глубокой симпатией. Всего месяц спустя после исторического соглашения в Гданьске 20 балтийских диссидентов послали поздравление лидеру „Солидарности” Леху Валенсе,¹²⁴ а годом позже 35 активистов прибалтийского диссидентского движения заявили, что „историческая деятельность польского рабочего класса имеет значение для всех прибалтийских народов”.¹²⁵

В самиздате появились статьи с анализом этого уникального явления и его объяснением своим соотечественникам. В № 13

“Estonian Lisanduse motete“ за 1981 г. было опубликовано „Письмо о событиях в Польше“, подписанное группой ученых и профессоров Тартусского университета. В этой работе анализировались польские события и реакция на них советского руководства.¹²⁶ В другой статье рассматриваются „Исторические уроки польской модели“, а в третьей речь идет о введении в Польше в декабре 1981 г. военного положения.¹²⁷ Опасаясь распространения „польского вируса“, власти немедленно приняли меры по ослаблению влияния „Солидарности“ путем ограничения информации из Польши. В августе 1980 г. началось глушение западных радиостанций, вещающих на Прибалтику, а польская периодика исчезла из газетных киосков. Были ограничены туристические поездки, сокращена программа спортивных соревнований и культурных мероприятий. Незадолго до введения военного положения в Польше была прервана автоматическая телефонная связь с Западом.

Быть может, под влиянием польских событий, а может — в результате всех перечисленных выше факторов, недовольство, которое проявлялось раньше, активизировалось осенью 1980 г. В сентябре и октябре тысячи людей, в основном студенты и молодежь, заполнили улицы Таллина, Тарту, Пярну и других городов, требуя политической свободы для Эстонии. Режим был вынужден сделать необычный шаг: по радио и телевидению было передано предупреждение.¹²⁸ В октябре 1980 г. на одном из тартусских заводов произошла забастовка, в которой приняло участие 1 тыс. рабочих.¹²⁹ На исходе этих „беспорядков“ 40 представителей эстонской интеллектуальной элиты и художественного мира направили в советские газеты письмо, в котором объясняли критическую ситуацию, вызванную политикой русификации в системе образования.¹³⁰ Годом позже прибалтийские диссиденты, организовавшие „Демократический фронт Советского Союза“, попытались организовать целую серию забастовок с политическими и экономическими требованиями, в том числе с требованием прекращения вмешательства в дела Польши. Из сообщений ясно, что отдельные забастовки произошли 1 декабря 1981 г. и 4 января 1982 г.¹³¹ Даже партийные идеологи признали серьезность событий в Эстонии. Первый секретарь ЦК КП Эстонии Карл Вайно начертил очень мрачные перспективы развития политической ситуации в Эстонии. В своей

статье в журнале „Коммунист“ он открыто признал, что были попытки организовать забастовки и распространять антисоветские листовки, используя при этом опыт „Солидарности“.¹³²

Беспорядки происходили не только в Эстонии. В Литве было собрано 5 тыс. подписей под петицией с протестом против политики русификации.¹³³

Двадцать третьего сентября 1982 г. тысячи молодых литовцев вышли на улицы Вильнюса,¹³⁴ а несколько раньше 18. 341 человек подписали обращение к первому секретарю ЦК партии Гришкевичюсу, протестуя против преследований молодежи за религиозные убеждения.¹³⁵

Демонстрации в Прибалтике в начале 80-х годов показали, насколько глубоко недовольство среди прибалтийского населения. Это обеспокоило власти. В речах партийных деятелей прибалтийских республик проскальзывают признания о глубокой отчужденности целых сегментов общества и неспособности подавить национальное сознание.

Партийный босс Латвии, Август Восс, отметил, что „националистическая пропаганда оказывает-таки влияние на определенную часть молодежи и интеллигенции и на другие социальные группы“. Он признал, что режим не в состоянии победить эти настроения, ибо „партийные“, комсомольские и пропагандистские работники не подготовлены достаточно, чтобы вести соответствующую, должным образом обоснованную наступательную борьбу с националистическими предрассудками, и потому оказываются иногда теоретически беспомощными перед различными фальсификаторами ленинской национальной политики КПСС“.¹³⁶

Ведущий литовский партийный работник писал тогда, что „национализм стал одним из самых важных орудий подрывной деятельности против социализма и коммунизма“ и обвинил работников образования и культуры в том, что они сами частично создают эту проблему, а не решают. Он обвинил преподавателей социально-политических дисциплин, истории и литературы в оценках некоторых событий и статистических данных с неклассовой, неисторической позиции, в частности, идеализируя отдаленное феодальное прошлое и игнорируя героическую революционную борьбу в Литве и произведения революционных писа-

телей". Он сделал выговор интеллигенции за „тревожную тенденцию искажения сущности классовой борьбы в послевоенный период и намерения бросить тень на защитников народа”.¹³⁷ Первый секретарь ЦК КП Литвы Гришкевичюс также жаловался на примиренческие установки некоторых учителей в отношении буржуазной идеологии и их аморальное поведение:

В Эстонии, с точки зрения режима, ситуация также не улучшилась. Судя по цитированному выше выступлению первого секретаря ЦК КП Эстонии Вайно, она, возможно, и ухудшилась. Он упрекал эстонцев в подверженности иностранным влияниям, в уступке напору националистической пропаганды, которая привлекает „политически наивных людей” среди интеллигенции и молодежи.¹³⁹ „Политическая наивность, незрелость, не критичность мышления — вот к чему апеллирует западная пропаганда, стремящаяся завладеть сознанием молодежи любимыми путями.”¹⁴⁰ Этой западной пропаганде Вайно призвал противопоставить партийную пропаганду. Но некоторым партийным работникам, — указывал он, — „не хватает мужества и умения спорить обоснованно, открыто вступать в бой с иностранной идеологией”.¹⁴¹

В большинстве случаев во всех этих грехах упрекают молодежь и интеллигенцию. Но время от времени в советской печати проскальзывают сообщения и о недовольстве среди рабочих. Анализ жалоб, поступивших от тартуских рабочих, показывает, что каждый шестой обращался в соответствующие инстанции с той или иной жалобой на власти, но только 40% жалобщиков были удовлетворены ответом, который получили.¹⁴²

Для нейтрализации этих нежелательных тенденций была усилена идеологическая и атеистическая пропаганда и контрпропаганда против проявлений национального сознания в Прибалтике. Однако основным методом властей являются прямые административные репрессии, осуществляемые КГБ. С января 1983 г. во всех трех прибалтийских республиках резко усилились репрессии против известных инакомыслящих и даже против подозреваемых в инакомыслии. Аресты исчисляются десятками, допросы и обыски — сотнями. Власти во что бы то ни стало хотят разрушить систему самиздата.¹⁴³ Такой разгром они рассматривают как первый шаг к „новой эре советского порядка” —

так назвал председатель Латвийского КГБ совокупность мер советского руководства. Однако непохоже, чтобы эта политика оказалась более успешной в искоренении инакомыслия в Прибалтике. Поскольку экономическое положение этих республик не улучшается, политика русификации усиливается, нет никаких оснований предполагать, что в Латвии, Литве и Эстонии прекратятся проявления недовольства.

Примечания

1. Возможно, за исключением западных украинцев – католиков Восточного обряда, вошедших в состав Советского Союза лишь накануне второй мировой войны.
2. Подробный анализ периода независимости Прибалтики содержится в работе George von Rauch, *The Baltic States: The Years of Independence, 1917–1940*, London, Berkeley and Los Angeles, 1974.
3. Последовательное описание обстоятельств и событий, которые привели к советской аннексии Прибалтийских республик, содержится в работах: Boris Meissner, "The Baltic Question in World Politics", V. Stanley Vardys and Romuald J. Misiunas(eds.), *The Baltic States in Peace and War, 1917–1945*, Pennsylvania State University Press, 1978. Исчерпывающие документальные свидетельства, касающиеся аннексии, приведены в книге Bronis J. Kaslas, *The USSR–German Agression Against Lithuania*, New York, 1973. Советская версия изложена, например, в книге П. Грищенко и др. „Борьба за советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945”. Рига, 1966. Соединенные Штаты и большинство демократических стран Запада отказались признать *de jure* и *de facto* владычество Советского Союза в Прибалтике. См. Lawrence Juda, "United States Nonrecognition of the Soviet Union's Annexation of the Baltic States", *Journal of Baltic Studies*, Vol. VI, No. 4, 1975.
4. Понятно, что точные данные о размерах депортации получить трудно. Приведенная здесь общая цифра складывается из: 21 тыс. литовцев, 16 тыс. латышей и 11 тыс. эстонцев. Она основывается на данных, приведенных в работе Vilis Skultans, "Fortieth Anniversary of a Night of Infamy in the Baltic", *Radio Liberty Research*, RL 238181, June 12, 1981. Александр Штрома в неопубликованном докладе *The Baltic States*, представленном на конференции по советским национальностям в Институте Гувера (Стенфорд, Калифорния, 13–14 апреля 1983 г.), дает свою оценку, основанную на нескольких источниках – около 60 тыс. депортирован-

ных за неделю с 14 июня до начала войны – 22 июня 1941 г.

5. См. Romuald Misiunas and Rein Taagepera, *The Baltic States: The Years of Independence (1940–1980)*, Berkeley: University of California, 1983, p. 41.
6. Подробности см. R. Misiunas and R. Taagepera, *The Baltic States*, p. 276. См. также Joseph Pajanjis-Javis, *Soviet Genocide in Lithuania*, New York: Maryland Books, 1980, pp. 63–67.
7. Восстание, вспыхнувшее в июне 1941 г., подробно описано в книге Algirdas Martin Budreckis, *The Lithuanian National Revolt of 1941*, Boston, 1968.
8. J.A. Sweetenham, *The Tragedy of the Baltic States: A Report Compiled from Official Documents and Eyewitnesses Stories*, London, 1952, pp. 23–26.
9. Исчерпывающий отчет о политике Германии в Прибалтике дан в книге Alexander Dallin, *German Rule in Russia, 1941–1945*, London, 1957, в особенности, в главе X. См. также Alexander Alexiev, *Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941–1945*, The Rand Corporation, R–2772, November 1982.
10. Эти цифры взяты из отчета об этих событиях в *Encyclopedia Britannica*.
11. Там же.
12. Там же. Подробно депортация эстонских „кулаков” в статье Rein Taagepera, "Soviet Collectivization of Estonian Agriculture: The Deportation Phase", *Soviet Studies*, Vol. XXXII, No. 3, July 1980, pp. 379–397.
13. Цит. по: A. Shtromas, *The Baltic States*; Imants Alksnis, *Latvijas Sarpnis*, Lund, Sweden, 1967, p. 51.
14. См., например, V. Stanley Vardys, "The Partisan Movement in Post-war Lithuania", *Slavic Review*, Vol. XXII, No. 3, September 1963,

pp. 499–522; Thomas Remeikis, *Opposition to Soviet Rule in Lithuania, 1945–1980*, Chicago, 1980; "The Armed Struggle Against Sovietization of Lithuania, 1944", *Lithuanus*, Vol. VIII, No. 1–2, 1962; K.V. Tauras, *Guerilla Warfare on the Amber Coast*, New York, 1962. Рассказ участника событий приводится в книге Juozas Daumantas, *Fighters for Freedom: Lithuanian Partisans Versus the USSR*, New York, 1975.

15. См. Thomas Remeikis, *Opposition to Soviet Rule*, p. 40. В соответствии с самиздатской публикацией, только в 1944–1945 гг. было убито 30 тыс. партизан (с. 267). Joseph Pajanjis-Javis утверждает в книге *The Soviet Genocide in Lithuania*, что число жертв могло достигать 80 тыс.
16. Подробные сведения о советских силах приводятся в независимой литовской публикации Varpas (Колокол, 1975) „Советские меры подавления национального сопротивления”. Статья перепечатана в книге Thomas Remeikis, *Opposition to Soviet Rule*, pp. 262–274, Chicago, 1980.
17. Edward Allworth, *Nationality Group Survival in Multi-Ethnic States*, New York: Praeger, 1977, pp. 129, 131, 132, 134.
18. С советской точки зрения, это было вполне понятно и даже необходимо из-за слабости национальных компартий и явного нежелания широких масс прибалтов вступать в партию. Советские источники, цитируемые Штромасом в *The Baltic States*, сообщают, что к моменту аннексии Прибалтийских государств, их коммунистические партии насчитывали: литовская – 1500 членов, латвийская – менее 1000, а эстонская – всего 130. В 1946 г. только треть членов всех трех партий принадлежала к коренным национальностям. См. Misiunas and Taagepera, *The Years of Dependence*, p. 77.
19. См. "Report on the Implementation of the Helsinki Final Act of August 1, 1975", in *Soviet Latvia*, Rockville, Maryland, 1980, pp. 66–67, также Bruno Kalnins, "How Latvia is Ruled: The Structure of the Political Apparatus", *Journal of Baltic Studies*, No. 8, 1977, pp. 70–78.
20. Там же.
21. Бывший ответственный работник латвийского комсомола в ин-

тервью автору припомнил, что в ЦК комсомола Латвии латыши попадались очень редко, и этот важный политический орган зачастую даже не мог найти секретаря, владеющего латышским языком. Другой интервьюируемый, принадлежавший к высшим кругам компартии Латвии, заявил, что в ЦК компартии Латвии разговор на латышском языке был равносителен идеологическому отклонению.

22. См. *Soviet Analyst*, Vol. 8, No. 17, August 1979. Возникновение эстонской партийной элиты обсуждается в книге Jaan Penaar "Soviet Nationality Policy and the Estonian Communist Elite", in Tonu Parming and Elmar Jarvesoo (eds.), *A Case Study of a Soviet Republic; The Estonian SSSR*, Boulder, Colorado, 1980.
23. Функции и юрисдикция второго секретаря рассматриваются в статье Yaroslav Bilinsky, "The Rulers and the Ruled", *Problems of Communism*, Vol. 16, No. 5, September–October 1967.
24. Следует отметить, что опасения советского руководства имеют некоторые основания. После советской аннексии прибалтийские коммунисты неоднократно выступали инициаторами отклонений от генеральной линии партии. В 1950 г. руководство эстонской компартии обвинялось Москвой в неспособности сломить „буржуазный национализм”. См. Tonu Parming and Elmar Jarvesoo, *A Case Study of a Soviet Republic*, p. 116; R. Misiunas and R. Taagepera, *The Baltic States*, pp. 77–81. В Латвии имели место самые серьезные „националистические” отклонения; так, высшее партийное руководство во главе с Эдуардом Берклавсом, заместителем председателя Совета Министров, пыталось противодействовать инспирированной Москвой экономической политике, создавшей угрозу дальнейшей широкой русификации страны. В широкую чистку конца 1959 г. попали Берклавс, Председатель Президиума Верховного Совета, а также шесть министров и заместителей министров, два секретаря ЦК, главный редактор ежедневной газеты – органа КП Латвии – и другие. См. "Dissent in the Baltic Republics: A Survey of Grievances and Hopes", *Radio Liberty Research Bulletin*, No. 496/76, December 14, 1976; также A. Berzins, *The Unpunished Crime*, New York, 1963. В Литве А. Снечкус, возглавлявший компартию долгие годы, явно пытался с конца 60-х годов до своей смерти в 1974 г. защищать интересы Литовской республики разнообразными допускаемыми системой методами. Анализ карьеры Снечкуса дается в Thomas Remeikis, "Political Development in Lithua -

nia during the Brezhnev Era", in George Simmonds (ed.), *Nationalism in the USSR and Eastern Europe*, Detroit, 1977, в работе Александра Штромаса „Две статьи Женкиса" („Континент", № 14, 1977 г.) прослеживается предполагаемая эволюция Снечкуса в более национально сознательного партийного работника.

25. По данным статистической работы о советской элите периода 1955–1972 гг. (Grey Hodnett, *Leadership in the Soviet National Republics, a Quantitative Study of Recruitment Policy*, Ontario, 1978), 73,9% начальников КГБ республик не принадлежали к коренному населению. Интервью автора с бывшими литовскими и эстонскими диссидентами, знакомыми с методами работы органов КГБ, свидетельствуют, что большинство должностей республиканского масштаба в обеих республиках занимают русские.

26. Подробные данные об этническом составе войск МВД и регулярной армии см. S.E. Wimbush and Alex Alexiev, *The Ethnic Factor in the Soviet Armed Forces*, The Rand Corporation, R-2787/1, May 1982.

27. Неприязнь прибалтийских молодых людей к военной карьере является одним из последствий типичного для населения прибалтийских республик отношения к армии и военной службе. Хотя эта тема обычно является табу для советской прессы, недавно один из высокопоставленных партийных деятелей подчеркнул в своей речи необходимость усилить „военно-патриотическое" воспитание и сделал любопытное замечание, что „призывники слабо подготовлены к службе в вооруженных силах" и что „все еще лишь немногие юноши эстонской национальности выбирают карьеру офицера" (Речь Рейна Ристлаана, секретаря ЦК Эстонской компартии „Формирование коммунистических убеждений", Коммунист Эстонии, № 9, Сентябрь 1981 г.)

28. В советской прессе были признаны различия в уровне потребления (статья М. Бронштейна, председателя Комиссии по экономическим и социальным проблемам развития республиканского аграрно-промышленного комплекса при Эстонской Академии Наук, в „Советской Эстонии" 1 сентября 1981 г.) В статье констатируется, что официально установленный оптимальный уровень потребления в Эстонии выше, чем

в неприбалтийских районах, по крайней мере, по некоторым продуктам.

29. R. Misiunas and R. Taagepera, *The Baltic States*, p. 179. Подробный анализ воздействия системы совнархозов и других видов советской экономической стратегии на прибалтийские республики см. Endel-Jacob Kolde, "Structural Integration of Baltic Economies into the Soviet System", *Journal of Baltic Studies*, Vol. IX, No. 2, Summer 1978; Benedict Maciuika, "The Role of the Baltic Republics in the Economy of the USSR", *Journal of Baltic Studies*, Vol. III, No. 1, Spring 1972.

30. R. Misiunas and R. Taagepera, *The Baltic States*, p. 177–178.

31. По словам осведомленного корреспондента, все промышленные предприятия с числом работников свыше 3000 тоже подчиняются непосредственно Москве. По его оценке, около 60% промышленной продукции Латвии контролируется Москвой.

32. Например, по словам корреспондента, лично знакомого с ситуацией, гигантская текстильная фабрика в Отре под Ригой получает большую часть шерсти и хлопка из Средней Азии или из-за границы и продает свою продукцию, главным образом, за пределы Прибалтики. Все работники этой фабрики – не коренные жители, они приехали из районов страны, населенных славянами.

33. Endel-Jacob Kolde, *Structural Integration of Baltic Economies*, pp. 169–175.

34. "Economic Conditions in Occupied Latvia", in Report on the Implementation of the Helsinki Final Act of August 1, 1975, in *Soviet Occupied Latvia*, Rockville, Maryland, 1980, p. 101. Такие нормы потребления в советской Латвии еще не достигнуты.

35. Radio Liberty Research Bulletin, No. 404/81, October 9, 1981.

36. "Baltic Agricultural Results, 1982", Radio Liberty Research, No. 110/83, March 16, 1983. Советские данные о недостатках сельского хозяйства приводятся в газетах: „Советская Литва", 15 июля 1981 г., с. 1 и „Правда", 20 июля 1981 г., с. 2. См. также "Lithuanian First Secretary on Economic Problems and Abuses", Radio Liberty Bulletin, March 2, 1982;

and "Animal Husbandry in Estonia Shows Little Progress", in Radio Liberty Research Bulletin, October 9, 1981.

37. Например, годовое производство мяса на душу населения в Эстонии составляет 130 кг, а потребление – 80 кг. См. М. Бронштейн „Продовольственная программа: задачи и решения” („Советская Эстония”, 2 сентября 1981 г.).
38. „Советская Литва”, 1 февраля 1980 г., с. 83. По словам эмигранта, бывшего служащего Министерства мясной и молочной промышленности Латвийской ССР, республиканские плановые задания по поставкам мяса и молока были значительно увеличены в 1977 г., что привело к серьезным перебоям в местном снабжении.
39. Rahva Haal, Tallinn, July 14, 1981, p. 2.
40. Там же.
41. М. Бронштейн „Продовольственная программа: задачи и решения” („Советская Эстония”, 2 сентября 1981 г., с. 1)
42. М. Полторанин и Д. Снюкас „От спроса к предложению” („Правда”, 19 июля 1981 г., с. 2).
43. Подробный анализ демографических изменений в Прибалтике, включая итоги переписи 1979 г., содержится в статье Rein Taagera, "Baltic Population Changes, 1950–1980", Journal of Baltic Studies, Vol. XIII, No. 1, 1981. Также см. работу того же автора "The Population Crisis and the Baltics", Journal of Baltic Studies, Vol. XII, No. 3, Fall 1981. Ценная библиография содержится в статье Tonu Parming, "Population Processes and the Nationality Issue in the Soviet Baltic", Soviet Studies, No. 32, 1980.
44. Данные взяты из "Census of 1979 on the Estonians and the Estonian SSR", Radio Liberty Research Bulletin, May 22, 1980.
45. Эти процентные соотношения рассчитаны, исходя из статистики, приведенной в публикации „Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения в 1979 году”. Центральное Статистическое Управление, Москва, 1980 г., с. 29; и Jaan Penaar, "Demographic Trends in

Estonia", Soviet Analyst, Vol. 10, No. 1, January 7, 1981.

46. "Precipitous Decline in Rate of Growth of Latvian Population in Latvian SSR", Radio Liberty Research Bulletin, March 19, 1980.
47. Анализ литовской демографической ситуации содержится в статье "Lithuanians Retain their Share of the Population in the Lithuanian SSR", Radio Liberty Research Bulletin, March 25, 1980. В 1970 г. литовцы составляли 80,1% населения республики; в 1979 г. – все еще 80,0%.
48. В 1934 г. эстонцев было 992, 500 и латышей – 1. 472, 000; на сегодня их, соответственно, 948. 000 и 1. 344, 000. См. Juergen von Nehn, "Das Vordringen des Russentums in die baltischen Laender", Osteuropa, April 1981, p. 330.
49. Например, доклад о переписи населения 1979 г. в газете компартии Латвии „Цэня” от 27 февраля 1980 г. пространно излагает все итоги переписи, за исключением национального состава населения, который всегда приводился в докладах о предыдущих переписях.
50. „Совершенствовать изучение и преподавание русского языка” („Русский язык в национальной школе” № 1, 1979 г., с. 2. Подробный анализ см. "New Measures to Improve the Teaching of Russian in the Union Republics", Radio Liberty Research Bulletin, April 17, 1979.
51. Там же.
52. В латышских национальных школах на изучение русского языка и литературы отводится 55% времени, предусмотренного на изучение языков. Только 30% этого времени тратится на изучение латышского языка и литературы. См. Report on the Implementation of the Helsinki Final Act, p. 78.
53. В статье А. Зайцевой „Уроки эстонского языка” („Молодежь Эстонии”, 8 января 1981 г., с. 2) откровенно признается недостаток внимания к этой области со стороны официальных органов. По данным переписи 1979 г., из русских, проживающих за пределами РСФСР, только 17,2% владели языками коренного населения (Radio Liberty Research, No. 3, January 20, 1983, p. 3).

54. В Эстонии 74% всех телевизионных передач ведется на русском языке, хотя 64% населения республики – эстонцы. См. R. Misiunas and R. Taagepera, *The Baltic States*, p. 209.
55. *Index on Censorship*, No. 2, 1981, p. 59. См. также „Народное хозяйство СССР в 1977 году”, Москва, 1978 г., с. 524.
56. *Report on the Implementation of the Helsinki Final Act*, p. 84.
57. Критика концепции слияния содержится в книге Ивана Дзюбы: „Интернационализм или русификация”, „Сучасність”, 1973 г.
58. „Правда”, 16 августа 1973 г. Цит. по A. Sheehy, „Andropov and the Merging of Nations”, *Radio Liberty Research*, December 22, 1982.
59. Там же. Анализ этой речи дается в статье „Andropov Speaks on Nationalities Policy”, *Radio Liberty Research*, December 21, 1980.
60. А. И. Холмогоров „Новый этап в развитии национальных отношений в СССР”, „Русский язык в национальной школе”, № 1, январь-февраль 1983 г., с. 5.
61. Rein Taagepera, „Baltic Population Changes, 1950–1980”, *Journal of Baltic Studies*, Vol. XII, No. 1, 1981, p. 55. Однако другие специалисты по Прибалтике, в том числе профессор С. Вардыс, считают этот прогноз оптимистичным.
62. Содержательное обсуждение уникального характера диссидентства в Прибалтике дается в: V. Stanley Vardys, „Human Rights issues in Estonia, Latvia and Lithuania”, *Journal of Baltic Studies*, Vol. XII, No. 3, Fall 1981. Интересный теоретический анализ литовского диссидентства см. в Thomas Remeikis, *Opposition to Soviet Rule in Lithuania, 1945–1980*, pp. 19–36.
63. В эссе Игоря Шафаревича можно найти пример такой точки зрения. Будучи упорным противником и вдумчивым критиком советской политической системы, Шафаревич, тем не менее, стоит за сохранение советского многонационального государства даже в условиях демократической системы и в этом случае пользуется выражениями, схожими с

официальными. Он утверждает, что „народы нашей страны спаяны общей историей” и предостерегает против того, чтобы „выбрасывать многовековые связи, как ненужный хлам”. И.Р. Шафаревич, *Обособление или сближение (Национальный вопрос в СССР)*; в сборнике „Из-под глыб”, YMCA-PRESS, Paris, 1974, p. 108.

64. Этот взгляд отражен в приводимом ниже отрывке из записи беседы литовских диссидентов с западными репортерами, опубликованной в независимом журнале „Perspektyvos”, № 9, 1979 г.:

„Наша борьба – это, прежде всего, борьба за свободу и независимость Литвы. И движение за права человека тоже имеет этот оттенок. К сожалению, на Западе этого не понимают... Мы боремся за свободу. Цель борьбы русских диссидентов – права человека. Мы на этом не останавливаемся. **Нельзя дать свободу личности и оставить национальности в рабстве. Русский империализм несовместим с демократией**”.

65. Лютеранская церковь, к которой принадлежит большинство эстонцев и латышей, до сих пор почти не затронута диссидентством, главным образом, потому, что на протяжении всей своей истории она оставалась под властью немцев и ни в одной из этих республик не сумела стать подлинно национальной церковью. Только в советский период, после изгнания немцев, лютеранская церковь в обеих республиках перешла под контроль прибалтийского духовенства. Возможно, эта перемена означает, что церковь развивается в сторону симбиоза нации и религии, но это весьма длительный процесс. Несмотря на то, что лютеранская церковь в целом послушна властям, отдельные ее служители вовлечены в диссидентскую деятельность. В обеих республиках имели место аресты священников. По сведениям, полученным от эстонского диссидента Сергея Солдатов в конце 70-х годов, некоторые лютеранские священники оказывали помощь эстонскому диссидентскому движению, в частности, помогали выпускать неподцензурную литературу. Короткий обзор религиозной активности в Латвии и Эстонии содержится в работе A. Sons, „Katholische und evangelische Christen in Lettland und Estland”, in *Kirche in Not*, Vol. XXIX, 1981.

66. Исчерпывающая научная работа о роли религии в литовском диссидентском движении написана Стэнли Вардысом *The Catholic Church, Dissent and Nationality in Soviet Lithuania*, Boulder Colorado, 1978.

- Другие работы по религии в Советском Союзе: Dennis J. Dunn (ed.), *Religion and Modernization in the Soviet Union*, 1977; and Richard H. Marshall (ed.), *Aspects of Religion in the Soviet Union, 1917–1967*, Chicago, 1971. С советской интерпретацией роли литовской церкви можно ознакомиться в книге: Jonas Anicas, *The Establishment of Socialism in Lithuania and the Catholic Church*, Vilnius, 1975.
67. Подробности см. в Remeikis, *Soviet Rule*, p. 106.
 68. „Наука и религия”, № 4, 1980 г., с. 60.
 69. Пример солидарности церкви с инакомыслящими представляет отказ литовского духовенства в 1949 г. подписать петицию, осуждающую Папу Пия XII, выпустившего декрет об отлучении от церкви католиков, вступающих в коммунистическую партию. Петицию согласились подписать только 19 из 800 литовских священников (Remeikis, *Soviet Rule*, p. 107). Текст петиции опубликован в *Chronicle of the Catholic Church in Lithuania*, No. 15, 1975.
 70. Подробности этих изменений описаны в книге V. Stanley Vardys, *The Catholic Church*.
 71. „Хроника” переводится и публикуется Лигой литовских римско-католических священников Америки (Franciscan Fathers Press, Brooklyn, New York). Картину происхождения, смысла и целей „Хроники” дает статья: Saulius Girnius, "The Tenth Anniversary of the Lithuanian Chronicle", *Radio Liberty Research*, April 14, 1982.
 72. V. Stanley Vardys, "Lithuania's Catholic Movement Reappraised", *Survey*, Summer, 1980, p. 56. Упомянутая церковь Девы Мирносицы в г. Клайпеда, была построена с разрешения государственных органов на пожертвования литовских католиков. Когда в 1960 г. строительство было окончено, власти закрыли церковь, без каких-либо объяснений, и превратили ее в концертный зал. Петиция, которую подписал каждый десятый взрослый житель республики, была переплетена в виде книги. В ней 1589 страниц и 56 фотографий.
 73. David Kowalewski, "Lithuanian Protest for Human Rights in the 1970s: Characteristics and Consequences", *Lituanus*, Vol. 25, No. 2, 1979, p. 45.
 74. Remeikis, *Soviet Rule*, p. 130.
 75. Г. Вайганскас, заместитель председателя Литовского КГБ – „Убежденность и политическая бдительность – злободневная задача нашего времени” („Коммунист”, Вильнюс, № 11, ноябрь 1981 г., с. 35).
 76. "Catholics in Lithuania Dig in Against Atheist State's Offensive", *Radio Liberty Research Bulletin*, October 27, 1981.
 77. Remeikis, *Soviet Rule*, p. 132.
 78. Сущность ограничений рассматривается в статье V. Stanley Vardys, "Lithuania's Catholic Movement Reappraised", *Survey*, Summer 1980.
 79. Подробности об этом комитете и перечень выпущенных им документов см. в T. Remeikis, *The Violations of Human Rights*, pp. 28–31.
 80. *The Chronicle of the Catholic Church of Lithuania*, No. 38, May 1, 1979.
 81. *The Chronicle of the Catholic Church of Lithuania*, No. 48, June 29, 1981.
 82. Подробнее о влиянии Папы Иоанна-Павла II на советский блок и о его отношениях с Москвой говорится в работе Alexander Alekxiev, *The Kremlin and Pope*, The Rand Corporation, P–6855, April 1983.
 83. Ответственный за атеистическую пропаганду в Литве деятель открыто обвинил Ватикан в содействии и поддержке независимой религиозной активности. См. Ионас Аникас – „Чего ищут религиозные экстремисты?” („Свытурыс”, № 11, Июнь 1982 г.).
 84. Сообщение в *Chronicle of the Lithuanian Catholic Church*, No. 55, November 1, 1982. Содержание этого заявления см. в "Lithuanian Priests Remain Militant and United", *Radio Liberty Research*, February 22, 1983.
 85. *The Chronicle of the Catholic Church of Lithuania*, No. 44, July 30, 1980.
 86. Директор Института научного атеизма при ЦК КПСС в статье

„Религия и атеизм сегодня” предупреждал, что несмотря на продолжающийся поступательный процесс отмирания религии, она все еще сохраняет способность защищать свои позиции и даже способность переживать временный подъем („Советская Литва”, 8 декабря 1979 г., с. 2).

87. “Catholic Committee for the Defense of the Rights of Believers Formed in the USSR”, Radio Liberty Research Bulletin, November 24, 1978. Подобные же цифры привел в речи, посвященной воздействию религии на молодежь, Н. Дыбенко, второй секретарь компартии Литвы. В Лаздижайском районе республики 82% новобрачных венчались в церкви и 90% новорожденных были окрещены. (“Jaunimo Gretoc”, June 30, 1982, цит. по. ELTA Information Bulletin, No. 2 (285), February 1983, p. 15).

88. The Chronicle of the Catholic Church of Lithuania, No. 49, September 8, 1981; “Crackdown on Religious Processions and Assemblies in Lithuania”, Radio Liberty Research, January 19, 1982.

89. Подробности см. в бюллетенях: Lithuanian Information Center, от 17 августа 1981 г. и 7 декабря 1981 г. ELTA Information Bulletin, No. 12 (271), December 1981; Radio Liberty Research, No. 339, 1981.

90. Основные выступления на пленуме были опубликованы в газете „Советская Литва”, 17 апреля 1982 г.

91. „Советская Литва”, 17 апреля 1982 г.

92. Речь Л. Сепетыса, секретаря ЦК Литовской компартии, в „Советской Литве”, 17 апреля 1982 г.

93. Владас Нюнка – „Восточная политика Ватикана” („Коммунист”, № 6, август 1982 г., Вильнюс).

94. „Коммунист”, № 11, ноябрь 1981 г., Вильнюс.

95. И. Аникас – „В одной упряжке” („Наука и религия”, № 6, 1980 г.).

96. „Советская Литва”, 17 апреля 1982 г.

97. Сведения о биографии Сваринскаса и выдвинутые против него обвинения см. “Soviets Sentence Lithuanian Priests”, Lithuanian Information Center, May 9, 1983.

98. „Советская Литва”, 8 февраля 1983 г.

99. Lithuanian Information Center, May 9, 1983.

100. Происхождение и характеристика литовского диссидентства шестидесятых – начала семидесятых годов подробно описаны в работе Aina Zarins, “Dissent in the Baltic Republics: A Survey of Grievances and Hopes”, Radio Liberty Research, December 1976.

101. Так, секретарь ЦК компартии Эстонии Ристлаан резко критиковал гуманитариев, интересующихся только феодализмом и капитализмом, а также редакторов и писателей, которые прославляют „доброе старое время”, и призвал к „решительной борьбе против всех тех проявлений национализма и шовинизма, которые еще сохраняются в сознании некоторых людей” („Коммунист Эстонии”, № 9, сентябрь 1981 г.).

102. David Kowalewski, “Dissent in the Baltic Republics: Characteristics and Consequences”, Journal of Baltic Studies, Vol. X, No. 4, 1979, pp. 307–318.

103. Там же, сс. 314–315.

104. David Kowalewski, “Lithuanian Protest for Human Rights in the 1970s: Character and Consequences”, Journal of Baltic Studies, Vol. X, No. 4, 1979, p. 48.

105. Там же, с. 52.

106. Интервью с Сергеем Солдатовым. См. также статью Солдатова в „Посеве” № 9, сентябрь 1982 г., Франкфурт, с. 37–42.

107. Программа Национального фронта была опубликована в самиздатском журнале “Eesti Demokraat”, № 1, 1972 г. См. „Хроника теку-

- щих событий" № 25.
108. Более подробно о меморандуме см. „Архив Самиздата”, № 1892 и Zarins, *Dissent in the Baltic Republics*, p. 9.
109. „Архив Самиздата”, № 2125.
110. Весьма мало известно о группах „Братство Белого Ключа” и „Maaryamaa” (*Shtromas, The Baltic States*)
111. Ниже перечислены основные периодические издания эстонского Самиздата, начиная с начала 70-х годов: „Eesti Demokraat” („Эстонский демократ”), выходящий с начала 1971 г.; *Poolraevaleht*, начатый в 1978 г. и, видимо, разгромленный годом позже; *Lisanduse motete ja undiste vabale levikule Eestis* („Некоторые добавления к свободному потоку идей и новостей в Эстонии”), продолжающие выходить регулярно. *Radio Liberty Research*, April 28, 1982, January 31, 1983.
112. Публикации литовского Самиздата рассмотрены в Vardys, *Reappraisal*, Remeikis, *Violations of Human Rights*. Наиболее значительные периодические издания более светского направления: „Ausra” („Рассвет”), выходящий с 1975 г.; „Varpas” („Колокол”) — с 1977 г.; „Alma Mater” — с 1979 г.; „Perspektivos” („Перспективы”); *Tiesos Kelia's* („Путь истины”); и „Laisves Sauklis” („Ключ свободы”).
113. Zarins, *Dissent in the Baltic Republics*, p. 18.
114. „Архив Самиздата”, № 2434.
115. „Opposition Movement in Latvia, 1981”, *Latvia Sodiens*, 1982, pp. 116–118.
116. „Latvian Samizdat from the 'Pali' Press”, *Radio Liberty Research*, April 30, 1976.
117. Периодическое издание „Blaivybeje Jega” („Сила в умеренности”) впервые появилось в начале 1981 г. На Запад оно не попало, и нам неизвестно, продолжает ли оно выходить.
118. Подробности, а также тексты этих начинаний см. в: Remeikis, *Soviet Rule*, pp. 437–438, *The Violations of Human Rights in Soviet Occupied Lithuania*, pp. 61–63; Dagens Nyheter, Stockholm, January 3, 1982; *The Manchester Guardian*, August 17, 1981; *The Los Angeles Times*, May 20, 1981; *The Christian Science Monitor*, November 19, 1980.
119. „Хроника текущих событий”, № 10, октябрь 1969 г.
120. Peter Reddaway (ed.), „The Case of the Baltic Fleet Officers”, in *Uncensored Russia: Protest and Dissent in the Soviet Union*, New York, 1972, pp. 171–183. См. также Сергей Солдатов — „Эстонский узел” (*„Континент”*, № 32, 1982 г., сс. 223–238).
121. „Архив Самиздата”, № 2435. Пример такого подхода можно найти в статье „Украина, наша надежда” в литовском самиздатском журнале *Ausra* (*Radio Liberty Research*, August 8, 1980).
122. О влиянии польских событий на прибалтийский регион говорится в статье V. Stanley Vardys, „The Echoes of Polish August in the Baltic Republics”, *Problems of Communism*, July–August, 1983.
123. В Эстонии значительная часть населения может принимать радио- и телепередачи из Хельсинки (эстонский язык очень близок к финскому). Примерно на трети территории Литвы можно видеть передачи польского телевидения. Наличие польского меньшинства в Литве и менее многочисленного литовского меньшинства в Польше, туризма, знакомство с польскими журналами и газетами и передачами популярных западных радиопрограмм также расширяет информированность.
124. *Christian Science Monitor*, September 22, 1980, cited in Vardys, „Echoes of Polish August”, p. 13.
125. Там же.
126. „Fourth, Seventh and Thirteenth Issues of the Estonian Samizdat Publication”, *Radio Liberty Research*, January 31, 1983.
127. Там же.

128. Vardys, "Echoes of Polish August", p. 14; и „Посев”, № 11, 1980 г., с. 15. Западные средства массовой информации широко освещали эти события.
129. Le Monde, October 25, 1980.
130. Текст приводится в Vardys, Human Rights Issues, pp. 283–284.
131. Vardys, "Echoes of Polish August", pp. 15–16.
132. Карл Вайно, "С точным знанием обстановки" („Коммунист”, № 3, 1983 г., с. 52, Москва).
133. „Архив Самиздата”, № 3937.
134. Associated Press, September 24, 1982.
135. Lithuanian Information Center, May 17, 1982.
136. Советская Литва, 29 июня 1982 г.
137. Советская Литва, 17 апреля 1982 г.
138. Там же. Что имеется в виду под примиренческим отношением пояснил в своей речи второй секретарь компартии Литвы Н. Дыбенко. Он рассказал историю школьника-старшеклассника, который организовал группу, занимавшуюся распространением так называемой антисоветской пропаганды. Группа действовала целый год. Учительский коллектив и комсомол, по-видимому, этому не препятствовали. Дыбенко также признал, что „подобные случаи” имели место и в других районах Литвы, а также в Вильнюсе и в Каунасе.
139. К. Вайно – „С точным знанием...”, с. 55.
140. Там же, с. 59.
141. Там же, с. 56.
142. „Советская Эстония”, 24 мая 1981 г., с. 2.

143. Более подробное изложение см. "Wave of Arrests in Baltic States", Dagens Nyheter, March 18, 1983; UPI, March 7, 1983; Associated Press, March 7, 1983. Серия статей, описывающих борьбу КГБ с национальными и религиозными движениями, была опубликована в „Московской правде” в феврале 1983 г. (выпуски № 42, 44, 45, 47, 50).

144. DPA, March 17, 1983.